

СЕТЕВЫЕ СВЯЗИ ВАРВАРСКИХ ЭЛИТ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА (III в. до н.э. — сер. III в. н.э.)¹

В.И. Мордвинцева

В статье анализируются погребальные комплексы элиты Волго-Донского региона. Прослежены изменения в составе и происхождении мужских и женских предметов престижа на протяжении четырёх хронологических периодов (III—II вв. до н.э., I в. до н.э., I — сер. II в. н.э., сер. II — сер. III в. н.э.). На основании анализа внутрикультурных, инокультурных и кросс-культурных маркеров престижа сделаны предположения о природе сетевых контактов варварских элит региона с основными внешнеполитическими акторами.

Ключевые слова: Волго-Донской регион, погребения элиты, сетевые связи, предметы престижа.

ВВЕДЕНИЕ

Сетевые связи являются основой существования любого общества, они влияют на принятие решений, благодаря им происходит перемещение и распространение предметов и идей. Сетевые модели обладают высоким познавательным потенциалом и используются в археологии с 1970-х гг. (см. Brughmans 2013 с литературой), хотя всё ещё недостаточно активно. Формальные сетевые модели применяются для изучения трансфера идей, людей и предметов, определения границ отдельных социумов и культур, межрегионального взаимодействия и пр. Недавно в рамках сетевой модели (Мордвинцева 2020) было предложено рассматривать археологическую культуру как устойчивую совокупность предметов и явлений материального мира, отражающих сетевые связи, сформировавшиеся

Мордвинцева Валентина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент Центра античной и восточной археологии НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник Государственного академического университета гуманитарных наук, Москва, Россия.

Mordvintseva Valentina Ivanovna, PhD, Associated Professor of the Centre of Classical and Oriental Archaeology at the HSE University, Senior Researcher at the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Senior Researcher at the State Academic University of Humanities, Moscow, Russia.

E-mail: stgrig@mail.ru

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 18-18-00237-П «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

и функционировавшие на определённой территории в конкретный период времени. Под сетевыми связями понимаются системы каналов связей, локализованные в определённом пространстве и функционирующие через посредство отдельных индивидуумов и их групп. Основными параметрами таких сетей являются их содержание (выражено через предмет взаимодействия), масштаб и длительность. Использование сетевой модели археологической культуры открывает новые перспективы в исследовании древних варварских обществ Северного Причерноморья. В частности, с их помощью можно делать предположения о границах социумов и определять уровень их социальной сложности (Мордвинцева 2020а), направление и интенсивность внешнеполитических контактов.

Волго-Донской регион расположен в зоне степей и частично в зоне пустынь и полупустынь. Он составляет большую часть историко-географической области «Азиатская Сарматия» (*Ptol. Geogr.* 5.9.6), занимая площадь около 240 000 кв. км. На западе эта территория ограничена течением Северского Донца, на востоке — Волгой, на юге — дельтой Дона и между-речьем Сала и Маныча, на севере — зоной лесостепи. Дельта Дона соединяет её с Азовским и Чёрным морями и бассейном Средиземноморья, а дельта Волги — с Каспием. Непрерывный Евразийский степной коридор обеспечивает возможность сухопутных контактов.

В сарматскую эпоху население большей части региона, судя по характеру археологических памятников (курганские некрополи при отсутствии поселений), практиковало кочевое скотоводство. Учитывая значительный масштаб данной территории и наличие внутри неё ареалов, отличающихся друг от друга по климату и природным ресурсам, она, очевидно, была населена несколькими кочевыми коллективами, которые могли быть связаны между собой внутри- или внешнеполитическими отношениями².

Данная работа посвящена сравнительному анализу сетевых связей варварских элит Волго-Донского региона в рамках четырёх хронологических периодов: III—II вв. до н.э., I в. до н.э., I — сер. II в. н.э., сер. II — сер. III в. н.э. (рис. 1).

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАРКЕРОВ ПРЕСТИЖА

Материальным выражением сетевых связей элит различных социумов является использование ими сходных предметов и символов, относящихся к сфере престижного потребления.

Под престижем понимают значимость, придаваемую общественным сознанием тем или иным формам и сторонам человеческой деятельности (Свод 1986: 153—154). Приобретение и поддержание престижа зависело от материальных возможностей индивида или группы, которые часто были

² Опыт выявления внутриполитической иерархии в Волго-Донском регионе см. (Мордвинцева 2020а).

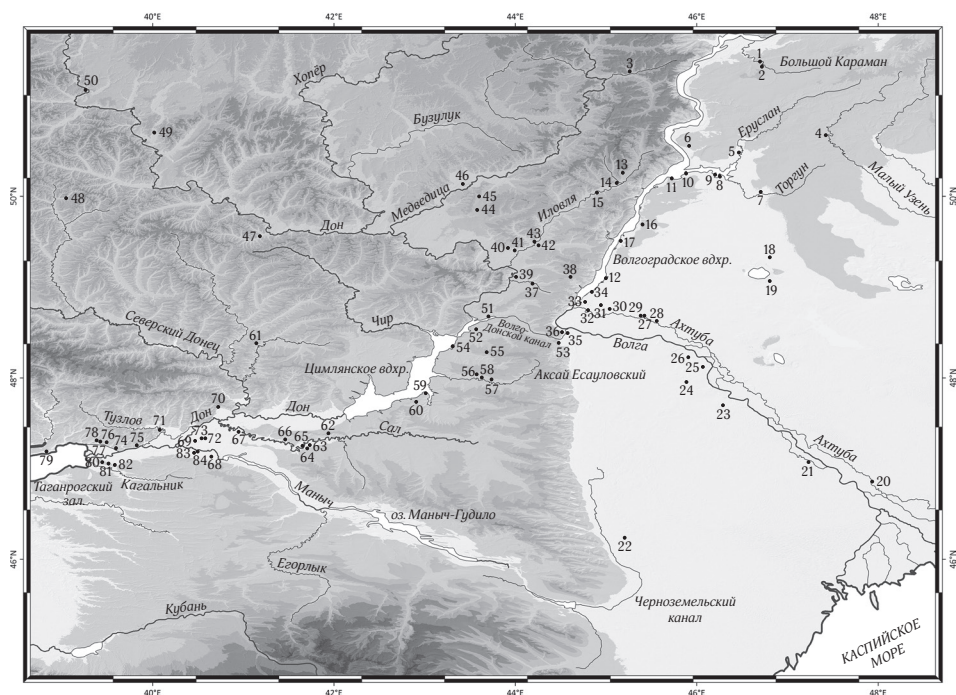

Рис. 1. Погребальные комплексы элиты III в. до н.э. — сер. III в. н.э.

Цифры на карте обозначают места находок (нумерация в скобках соответствует номерам каталога в Приложении 1): 1 (№ 55); 2 (№ 47); 3 (№ 77); 4 (№ 21); 5 (№ 123); 6 (№ 2—4, 70); 7 (№ 1, 131); 8 (№ 13—14, 93); 9 (№ 46); 10 (№ 133); 11 (№ 54, 118); 12 (№ 43); 13 (№ 103—104); 14 (№ 30, 65—69); 15 (№ 122); 16 (№ 6, 31, 134); 17 (№ 35); 18 (№ 7); 19 (№ 22); 20 (№ 99); 21 (№ 44); 22 (№ 60); 23 (№ 107); 24 (№ 20, 45); 25 (№ 132); 26 (№ 124, 158); 27 (№ 38); 28 (№ 98); 29 (№ 57); 30 (№ 15); 31 (№ 147); 32 (№ 94); 33 (№ 37); 34 (№ 8—10, 33—34); 35 (№ 90—92); 36 (№ 25); 37 (№ 23); 38 (№ 32); 39 (№ 17); 40 (№ 12); 41 (№ 61); 42 (№ 5, 71—76); 43 (№ 53); 44 (№ 81); 45 (№ 19); 46 (№ 100); 47 (№ 106); 48 (№ 18); 49 (№ 28); 50 (№ 125); 51 (№ 16); 52 (№ 78—80); 53 (№ 157); 54 (№ 51—52); 55 (№ 143); 56 (№ 62); 57 (№ 39—42, 87—89); 58 (№ 111—115); 59 (№ 138); 60 (№ 148); 61 (№ 120, 155—156); 62 (№ 130); 63 (№ 102); 64 (№ 48—50, 109—110); 65 (№ 29); 66 (№ 144); 67 (№ 95); 68 (№ 126); 69 (№ 24); 70 (№ 36); 71 (№ 119, 121, 128); 72 (№ 64); 73 (№ 63); 74 (№ 105); 75 (№ 96—97, 145—146, 154); 76 (№ 58—59, 127); 77 (№ 135—137); 78 (№ 129); 79 (№ 56); 80 (№ 86); 81 (№ 108, 149—153); 82 (№ 11, 82—85, 139—142); 83 (№ 26, 27); 84 (№ 101)

тесно связаны с внешнеполитической активностью. Обретение престижа часто происходило в ходе пиров, празднеств, похорон. Социальной функцией маркеров престижа были легитимация положения элитарных групп и отдельных индивидов внутри общества и консолидация общества путём демонстрации определённых групповых черт и символов, что способствовало также прокламации и укреплению внешнеполитических альянсов, разнообразных гетерархических и иерархических связей.

В Волго-Донском регионе сарматской эпохи зафиксированы только погребальные памятники, что сказывается на эвристическом потенциале источника. Обнаруженные в погребальных контекстах предметы

престижа относятся к системе осознанно отобранных знаков, в той или иной степени отражающих место конкретного индивидуума в обществе и его связи с внешним миром.

По отношению к конкретному социальному статусу индивида маркеры престижа можно разделить на непосредственно отражающие статус (*инсигнии*) и подчёркивающие его *ценности* — утилитарные предметы из драгоценных материалов, не связанные с конкретным социальным статусом, и *редкости* — экзотические единичные предметы.

Ввиду того, что социальные роли во многом определяются половой принадлежностью, необходимо выделять и отдельно анализировать гендерно-сопряжённые и гендерно-нейтральные предметы престижа. Во внешнеполитических контактах основную роль играли отношения между воинскими элитами, поэтому отражающие эти контакты (реальные или желаемые) маркеры престижа обнаруживаются чаще в мужских инвентарных комплексах. С другой стороны, в женских инвентарных комплексах будут, скорее всего, представлены артефакты, являющиеся показателем стабильных экономических контактов.

По своему происхождению предметы престижа могут быть «внутрикультурными», «инокультурными» и «кросс-культурными» (Мордвинцева 2020: 1070). Внутрикультурное происхождение маркеров престижа предполагает центр их распространения и, видимо, производство в самой потребляющей их культуре (внутрикультурные оригиналы). Инокультурные предметы изготавливались за пределами рассматриваемого региона (инокультурные оригиналы). Маркеры престижа кросс-культурного характера представляют собой предметы, изготовленные внутри изучаемой культуры, при этом в разной степени имитирующие инокультурные оригиналы. Они подразделяются на «реплики» (копия оригинального продукта), «дериваты» (функционально аналогичный предмет, возникающий на основе другого и его замещающий, но отличающийся по стилю, технике изготовления и пр.) и «гибриды» (функционально иной предмет, сочетающий в себе свойства двух и более объектов, один из которых — инокультурный). В ряде случаев центр производства и распространения предметов престижа не может быть однозначно определён, как правило, из-за отсутствия достаточных для анализа данных. Такие артефакты можно обозначить как предметы с неустановленной культурной принадлежностью.

Для определения места происхождения артефактов могут использоваться прямые и косвенные данные. К прямым свидетельствам относятся остатки производственной деятельности (мастерские, орудия производства, производственные шлаки и пр.). Косвенно определить происхождение предметов помогает изучение их преимущественного пространственного распространения. Хотя ремесленная деятельность в рамках подвижных способов хозяйствования затруднена, этнографические исследования документируют её наличие у многих кочевников Евразии (Ахмедов 1965: 81; Абдыкалыков 1968: 25; Безенваль 1989: 103, 106).

Для выявления сетевых связей древних коллективов наибольший информационный потенциал представляют ино- и кросс-культурные инсигнии и ценности, поскольку их появление и функционирование в культуре часто напрямую связаны с внешнеполитическими контактами представителей элиты и их интенсивностью.

Обнаружение в погребальных комплексах изучаемой территории инокультурных инсигний, характерных для социумов более высокого уровня сложности (например, для государств — мировых гегемонов), особенно в контексте использования, близком оригинальному, вероятно, означает вовлечение изучаемого общества в сферу политического контроля со стороны этого субъекта международной политики. Наличие в погребальном комплексе инокультурных маркеров престижа категории «ценности» может интерпретироваться как следствие реципрокатных связей, дипломатические дары, или военная добыча. Изменение сферы и контекста использования инсигний указывает на утрату и/или перекодировку их изначального смысла, иногда сознательное пренебрежительное отношение представителей культуры-реципиента к чужим знакам отличия, что косвенно свидетельствует о возможном поступлении этих предметов в результате грабежа или опосредованного престижного обмена. В этом случае прямые политические отношения с государством-гегемоном неочевидны.

Находки инокультурных инсигний, распространённых в обществах сходной степени сложности, могут интерпретироваться как отражение реципрокатных связей. В отдельных случаях, когда такие инсигнии переходят в разряд внутрикультурных (становятся стандартными маркерами престижа и производятся внутри общества, в том числе как кросс-культурные артефакты), их распространение, вероятно, могло быть связано с физическим присутствием представителей инокультурной элиты (перемещением? завоеванием?).

Длительность распространения инокультурных артефактов в изучаемых обществах отражает, видимо, период их непосредственного или опосредованного контакта с инокультурными социумами. В зависимости от степени сложности контактирующих социумов охват территории распространения определённых маркеров престижа очерчивает сферу политического влияния государства-гегемона либо ареал обществ, находящихся в гетерархических политических отношениях.

Изготовление и использование «кросс-культурных» предметов отражает, видимо, факт добровольного (осознанного или неосознанного) выбора обществом инокультурных форм для изготовления собственных маркеров высокого социального статуса и, следовательно, определённой его заинтересованности в культуре (зависимости от культуры?), из которой происходят оригиналы таких вещей. Появление различных форм кросс-культурных предметов престижа одновременно с инокультурными оригиналами является свидетельством тесного культурного и/или политического взаимодействия с государством-гегемоном. Если производство кросс-культурных предметов сопровождается прекращением

поступления инокультурных оригиналов, то это, очевидно, отражает, с одной стороны, ослабление политического интереса государства-гегемона к изучаемому обществу. С другой стороны, само это общество, вероятно, воспринимало такие знаки престижа уже как часть своей элитарной культуры и продолжало их воспроизводить самостоятельно.

ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

На первом этапе происходит формирование исследовательской базы — составление каталога погребений элиты. Выявление элитарных погребальных комплексов элиты может происходить несколькими способами: посредством анализа социальной структуры каждого некрополя, в ходе которого изучаются качественные и количественные признаки погребального обряда и особенности их пространственного размещения (см., например, (Мордвинцева 2015)), и путём поиска погребений с предметами престижа (подробнее см. (Мордвинцева 2016)). Информацию об их ассортименте можно почерпнуть из античной нарративной традиции и изобразительных (иконических) источников, обнаруженных, в первую очередь, в археологических комплексах на изучаемой территории. Поскольку варвары Волго-Донского региона не имели собственной письменной традиции, то для выявления предметов престижа, в том числе инсигний, могут привлекаться внешние нарративы, в которых описываются эти народы, а также сведения о «культурно близких» традициях, в частности иранской и скифской.

После формирования исследовательской базы необходимы её сравнительный анализ и оценка категорий предметов погребального инвентаря с точки зрения их «социального престижа» (Renfrew, Bahn 1991: 176). В ходе анализа могут быть выявлены другие маркеры высокого социального статуса: по использованию драгоценных материалов, наличию изображений, редкости, импортному происхождению. Для каждого хронологического периода определяется набор маркеров престижа, которые разделяются на гендерно-нейтральные и гендерно-сопряжённые, внутрикультурные, инокультурные и кросс-культурные. По результатам их анализа делаются выводы о внешнеполитических контактах элит и хронологических изменениях этих контактов.

АНАЛИЗ МАРКЕРОВ ПРЕСТИЖА ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЭЛИТЫ

Для анализа были отобраны 159 погребальных комплексов элиты Волго-Донского региона, датирующихся в хронологических рамках сарматской культуры с III в. до н.э. по III в. н.э.³ (см. приложение 1) (рис. 1).

³ В работу вошла большая часть комплексов, данные о которых были опубликованы до 2014 г. Не вошедшие в анализ сведения о погребениях использовались как дополнительный материал, в том числе для проверки выводов.

Критерием формирования базы данных было наличие предметов из драгоценных металлов и маркеров престижа, выявленных по письменным, иконическим и археологическим источникам.

В письменных источниках упоминаются драгоценные гривны, браслеты, платье (*Herod. Hist.* III.20; *Xenoph. Cyr.* I.3.3; VIII.5.17-18; *Xenoph. Anab.* II.27; *Tac. Germ.* 15), перстень (*Herod. Hist.* III.41), золотой венок (*Herod. Hist.* VII.118; *Xenoph. Anab.* VII.7; *Tac. Ann.* 14.24), пояс (*Herod. Hist.* I.215; IV. 10; *Strabo Geogr.* XI.8.6), бронзовый литой котёл (*Herod. Hist.* IV.61, 81, 152), драгоценные сосуды (*Herod. Hist.* IV.5, 10, 71; VII.119; IX.116; *Xenoph. Cyr.* V.2.7; VIII.4.24), парадное оружие (*Herod. Hist.* I.52; IV.62; VII.54; VIII.120; *Xenoph. Anab.* II.27; VIII.29; *Tac. Germ.* 15), парадный доспех (*Herod. Hist.* I.92; III.47; IX.22; *Xenoph. Cyr.* VI.1.50, 4.1-2), парадная конская упряжь (*Herod. Hist.* IX.20; *Xenoph. Anab.* II.27; *Xenoph. Cyr.* VII.3.15; *Tac. Germ.* 15). В некоторых случаях контекст позволяет предположить, что эти предметы являлись инсигниями. Наиболее информативны в этом отношении отрывки из произведений Ксенофонта, из которых следует, что мужские гривны, браслеты, парадные одежда, пояс, акинак и упряжь были в иранском мире знаками отличия, получаемыми в том числе из рук персидского царя (*Xenoph. Cyr.* I.3.3; VIII.5.18; *Xenoph. Anab.* II.27; VIII.29). Этот набор инсигний был, видимо, в целом характерен и для многих других варварских обществ древнего мира, что следует из описания Тацита (*Tac. Germ.* 15).

Иконические источники дополняют наблюдения, сделанные на материале текстов древних авторов. Немногочисленные предметы с антропоморфными персонажами из Волго-Донского региона изучаемого времени передают образы воинов/всадников, у которых показаны защитный доспех (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A114.5, Abb. 10), пояс (Mordvinceva 2001: Kat. 38, Taf. 17; Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A31.2, A114.5, B16.1 Abb. 8, 10—11, 36), наручное украшение (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A114.5, Abb. 10—11), обувь с пряжкой (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A109.3, Abb. 39), меч (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A109.3, A114.5, Abb. 10, 39), лук (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A114.5, Abb. 10—11), колчан (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A114.5, Abb. 10), копьё (Mordvinceva 2001: Kat. 38, Taf. 17; Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A31.2, A114.5, Abb. 8—11), чаша (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A109.3, Abb. 39), украшения упряжи (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A114.5, Abb. 10). Демонстрация этих атрибутов в контексте иконографии воина/всадника не была случайной, она указывает на их семантическую связь. Женский персонаж на диадеме из кургана Хохлач отмечен головным убором (также диадемой) (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. B45.11, Abb. 34).

Перечисленные категории предметов, упомянутых в письменных источниках и изображённых на предметах торевтики, обнаружены в элитарных погребениях на исследуемой территории. Кроме того, по погребальным контекстам Северного Причерноморья дополнительно выделены

такие категории маркеров престижа, как ритуальные жезлы (характерны преимущественно для Волго-Донского региона), канделябры, броши, импортная посуда, тарные амфоры (Mordvinceva 2013). По результатам корреляции предметов погребального инвентаря погребений элиты Нижнего Поволжья и Подонья (Мордвинцева 2020а) к таким маркерам, помимо утилитарных предметов, изготовленных с использованием драгоценных металлов, могут быть также причислены контейнеры для ароматических масел (унгвентарии, бальзамарии), алебастровые сосудики, редкие виды зеркал (например, китайские), каменные печати и инталии, монеты, терракоты.

ПЕРИОД III—II вв. до н.э.

Состав маркеров престижа

Предметы костюма представлены золотыми нитями (№ 21)⁴, нашивными бляшками (№ 11, 20, 21, 23), височными кольцами (№ 1, 2, 4, 6—8, 12—14, 16, 22), серьгами (№ 15, 23, 25), пронизями (№ 3, 23), подвесками (№ 5, 11), браслетами (№ 3, 15, 23), перстнями (№ 1, 4, 6, 10, 23), поясными пластинами из золота, серебра, бронзы, гагата (№ 3, 9, 20, 21). Из них гендерно-нейтральными являются нашивные бляшки, пронизи и браслеты. С мужским костюмом связаны золотые нити, детали пояса. К женскому набору украшений относятся золотые височные кольца, серьги, перстни, подвески.

Погребальные приношения состоят из сосудов, оружия, доспеха, предметов конской упряжи, ритуальных предметов. Сосуды для питья и их детали включают деревянные чаши с золотыми, серебряными обкладками (№ 11, 21) и атташ серебряного кубка (№ 17). Они найдены с погребёнными обоих полов. Бронзовые литые котлы обнаружены в четырёх комплексах (№ 4, 11, 17, 20), в одном детском погребении найдена модель котла (№ 10). Признак «один котёл в погребении» является гендерно-нейтральным, в то время как наличие двух котлов возможно только в женском погребении.

С женскими захоронениями связаны ритуальные предметы: керамический унгвентарий для ароматических масел (№ 11), алебастровый сосуд (№ 1, 11). Остальные престижные погребальные приношения обнаружены в мужских комплексах. К парадному оружию относятся короткие мечи с золотыми обкладками (№ 3, 9, 19, 20) и колчаны с золотыми деталями (№ 19, 20). Детали доспеха (пластины панциря) обнаружены в одном погребении (№ 9). Украшения конской упряжи происходят из погребения

⁴ Здесь и далее указан номер содержащего предмет погребального комплекса в каталоге приложения.

(№ 20) и трёх ритуальных кладов воинского характера (№ 17, 18, 24). Вырезанные из дерева и покрытые золотом ритуальные пластины («жезлы») с зооморфными изображениями найдены в двух погребениях (№ 19, 21). Бронзовый светильник — в ритуальном воинском кладе (№ 18).

*Внутрикультурные, инокультурные и кросс-культурные
предметы престижа*

На основании сравнительного анализа состава погребальных комплексов элиты (Мордвинцева 2020а) в рассматриваемом регионе в данный хронологический период были выделены районы со специфической ритуально-погребальной традицией:

- «западный»: 1) низовья Дона (наличие набора амулетов, двух бронзовых литых котлов); 2) западная часть Волго-Донского междуречья (группа так называемых ритуальных кладов);
- «восточный»: 1) северная часть Нижнего Поволжья (отсутствие парадной упряжи в погребениях); 2) южная часть Нижнего Поволжья (наличие парадной упряжи в погребениях) (Мордвинцева 2020а: 263—265). Отнесение тех или иных маркеров престижа к внутри-, ино- и кросс-культурным будет осуществляться с учётом этого вывода.

Предметы костюма. Золотые предметы костюма простых форм, обнаруженные в погребениях Волго-Донского региона, видимо, относятся к внутрикультурным маркерам престижа, поскольку их изготовление не требовало специализированных стационарных производственных помещений. Это золотые украшения костюма: нашивные бляшки, височные кольца, трубочки-пронизи, подвески, браслеты. Сравнительный анализ конструктивных элементов серёг и перстней показал их распространение в пределах изучаемого региона, что даёт дополнительные аргументы в пользу их местного изготовления (Мордвинцева, Хабарова 2006: 10, 13—14).

В категории женских украшений выделяются серьги из Химкомбината (№ 25) в виде колечка, заканчивающегося головой львиного грифона. Они представляют собой кросс-культурный дериват античных серёг (Мордвинцева, Хабарова 2006: 12). Основные области распространения (и, вероятно, изготовления) таких серёг располагались в Крыму и Прикубанье, откуда они, видимо, попали в Волго-Донское междуречье.

В воинских мужских погребальных комплексах Нижнего Поволжья обнаружены поясные пластины. Часть из них относятся к типу поясных накладок с решётчатым декором (№ 20, 21) (Трейстер 2019: 183—185). Вероятно, они представляют собой местную продукцию, при этом прототипом их декора могли выступать поясные пластины, получившие распространение в Монголии и Забайкалье (Трейстер 2019: 185); таким образом, их можно определить как кросс-культурные дериваты. Золотая пластина из Кривой Луки (№ 20) относится к типу овальных поясных накладок с изображением одиночных животных. Очевидно, она была изготовлена

на месте (кросс-культурный дериват?). Изображение на пластине (иду-щий грифон вправо) стилистически сходно с ритуальными пластинами северной части Нижневолжской группы памятников. Гагатовые пряжки из Питерки (№ 21), вероятно, являются импортами из Центральной Азии (Бухарский оазис, среднее течение Сырдарьи) (Трейстер 2019: 199).

Погребальные приношения. К внутрикультурным маркерам можно отнести деревянные сосуды для питья с металлическими обкладками, бронзовые литые котлы, ритуальные пластины и парадные мечи.

Ритуальные пластины (жезлы?) с зооморфными изображениями вырезаны из дерева и обложены золотой фольгой; ареал их распространения занимает северную часть Нижнего Поволжья. Судя по экстраутилитарной функции предметов, они являлись, скорее всего, внутрикультурными инсигниями (Мордвинцева, Хабарова 2006: 39—42). При этом выбор зооморфной композиции в качестве сюжета можно расценивать как признак принадлежности к иранской (в широком смысле этого определения) изобразительной (культурной?) традиции.

К парадному оружию относятся колчаны и мечи с золотыми деталями, обнаруженные в воинских погребальных комплексах северной и южной частей Нижнего Поволжья. Судя по способу изготовления, они являются местной продукцией (внутрикультурные инсигнии) (Мордвинцева, Шинкарёв 1999). При этом не исключено, что мечи с золотыми обкладками ножен, изготовленные, скорее всего, с целью символической демонстрации (для проведения погребального обряда?), имитируют какие-то образцы настоящего парадного оружия, т.е. являются его репликами или дериватами.

Украшения конской упряжи обнаружены в двух культурных ареалах — в одном погребении южной части Нижнего Поволжья (№ 20) и в трёх ритуальных кладах запада Волго-Донского междуречья (№ 17, 18, 24). Найденные в погребении Кривой Луки (№ 20) фалары являются кросс-культурными артефактами — подражаниями (дериватами?) наплечным бляхам так называемого греко-бактрийского стиля (Mordvinceva 2001: 36)⁵.

В состав украшений конской узда из Федуловского клада (№ 24) входили наплечные фалары ионийского стиля (Mordvinceva 2001: 8—9, 36), налобник со сценой гигантомахии, имеющий аналогии в узде греко-фракийского типа (Mordvinceva 2001: 17), ременные бляхи с изображением всадника (Mordvinceva 2001: 13), золотые нащёчники и свастические бляхи (Mordvinceva 2001: 6—7) — дериваты скифо-фракийских украшений упряжи. Для фаларов Федуловского клада было предположено боспорское производство (Берхин 1962: 39; Mordvinceva 2001: 36).

⁵ Данные по фаларам из Кривой Луки не опубликованы. В центре дисков размещены изображения свернувшегося грифона. Я ознакомилась с этими предметами с разрешения В.В. Дворниченко, когда они находились в Государственном научно-исследовательском институте реставрации (г. Москва).

Место изготовления фаларов с вихревой розеткой из Клименковского (№ 18) и Качалинского (№ 17) кладов установить сложно. На них воспроизведён мотив, распространённый также на бляхах из других ритуальных кладов Северного Причерноморья (Трейстер 2006: 429—462; 2017: 206). Антитетическая композиция на фаларах из Клименкова находит наиболее близкие параллели на Балканах, в том числе на предметах конской узды (Трейстер 2017: 208). Вероятно, в данном случае мы имеем дело с кросс-культурными предметами (дериватами?). Фалары с выпуклостью в центре из Качалинского клада имеют полную аналогию среди наборов Ахтанзовского комплекса (Mordvinceva 2001: Taf. 8, Kat. 19). Вероятно их боспорское производство, в таком случае качалинскую находку можно определить как инокультурный оригинал.

Конские налобники с крючком характерны для вотивных кладов Северного Причерноморья (Симоненко 1982: 237—245; 2013: 376—380). Матрица для изготовления таких налобников обнаружена на Неаполе Скифском (Zaytsev 2004: fig. 93, 3), однако нельзя исключить их изготовление и в других местах распространения этих предметов. Для ареала ритуальных кладов они, видимо, являлись внутрикультурными маркерами престижа.

Предметы, которые часто фигурируют в литературе как ворворки, судя по соотношению высоты и диаметра изделия, не могли выполнять функцию подвесок-окончаний шнуров/ремней и, скорее всего, являлись частью конской упряжи (бляха для султанчика?) (Mordvinceva 2001: 48). Их распространение также связано в основном с ареалом культуры ритуальных воинских кладов (внутрикультурные артефакты).

Бронзовый светильник, обнаруженный в ритуальном воинском кладе из Клименкова (№ 18), происходит, видимо, из мастерских восточных областей Эгейского бассейна и Малой Азии (Трейстер 2017: 210) и является инокультурным оригиналом. К этой же категории относятся керамический унгвентарий для ароматических масел (№ 11) — предмет греческой культуры, который использовался также в погребальных ритуалах (Kurz, Boardman 1971: 164), и алебастровые туалетные/косметические сосудики (№ 1, 11), возможно, происходящие из Малой Азии (Yablonsky, Treister 2019: 145) или Египта (Lightbody 2020).

Происхождение некоторых предметов престижа пока невозможно установить на основании имеющихся данных. Ткани с использованием золотых нитей могли быть предметом импорта, однако их исследование не проводилось, что во многом связано с отсутствием хорошо сохранившихся фрагментов археологических тканей античного времени (Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко 2010: 43—44). Бронзовая позолоченная прямоугольная пластина (нашивавшаяся, видимо, на какую-то основу) из Верхнего Погромного (№ 9) не имеет аналогий. Детали доспеха (пластины панциря) из того же погребения сильно фрагментированы, их атрибуция затруднена. Близких аналогий атташу серебряного кубка из ритуального клада у станции Качалинская (№ 17) обнаружить не удалось.

ПЕРИОД КОНЦА II—I вв. до н.э.

Состав маркеров престижа

К **элементам костюма** относятся золотые нити (№ 44, 46, 48, 58, 59), нашивные бляшки (№ 26, 27, 34, 36, 38, 40, 42—44, 46, 48, 59, 60), венки (№ 44), элементы расшивки головного убора (№ 46), височные кольца (№ 30, 32, 35, 37, 41, 51, 52), серьги (№ 26, 27, 36, 43, 46), гривна (№ 26, 43, 44, 46), пектораль (№ 44), пронизи (№ 42, 46), подвески (№ 27, 36, 44, 46), сосудик-подвеска (№ 27), браслеты (№ 31, 33, 34, 43, 44, 46), перстни (№ 41, 46), детали пояса (№ 29, 34, 40, 44, 48—50, 53, 60), бляхи обуви (№ 57). Из них гендерно-нейтральными являются золотые нити, нашивные бляшки и пронизи, подвески, гривна, браслеты. К мужскому костюму относятся золотой погребальный венок, украшения обуви, детали пояса. Женские украшения составляют золотые детали головного убора, височные кольца, серьги, перстни, сосудик-подвеска.

Погребальные приношения состоят из сосудов, оружия, доспеха, предметов упряжи, ритуальных предметов. Сосуды для питья представлены деревянными чашами с золотыми обкладками (№ 38, 41, 42), чашами и кубками из стекла (№ 27, 42, 43, 48), бронзы (№ 36), серебра (№ 34, 43, 46, 59), возможно, ритонами/рогами для питья с золотыми наконечниками (№ 34, 44). Большая часть этих находок относится к гендерно-нейтральным признакам, ритоны/рога для питья связаны с мужскими комплексами. К металлической посуде относятся бронзовые литые котлы (№ 26, 36, 43, 46, 49, 50, 55, 58, 60) — гендерно-нейтральный признак, в одном женском погребении найдена также серебряная модель котла (№ 43). Кованые бронзовые сосуды: котёл (№ 40), кувшин и круглодонный сосуд (№ 43, 44), патера (№ 26, 44), ковш (№ 27, 44, 48, 59), таз (№ 43, 44), фиала с крышкой, пиксида (№ 44). В одном мужском погребении обнаружены отдельно подставки бронзовых сосудов (№ 42). В целом наличие ценной посуды является гендерно-нейтральным признаком. Стекланные и керамические сосуды для ароматических масел (№ 26, 40, 42, 49) обнаружены как в мужских, так и женских погребениях.

В мужских комплексах и ритуальных воинскихкладах предметы престижа представлены также оружием, упряжью, ритуальными предметами. К парадному оружию относятся короткий меч с золотыми обкладками ножен (№ 29, 30, 40, 44, 50, 53, 54, 60) и колчан с золотыми деталями (№ 30, 40, 53, 60). К доспеху относятся бронзовые шлемы (№ 28, 47). Парадная упряжь представлена серебряными украшениями (фаларами и налобниками) (№ 28, 39, 44, 45, 56, 60). В мужских погребениях также обнаружены ритуальные пластины (№ 40, 53), канделябр (№ 48), серебряные ложки (№ 44, 48), оселки (№ 34, 44), ворворки (№ 34), алебастровые сосудики (№ 29, 58).

В женских погребениях предметы престижа представлены зеркалом с обложенной золотом рукоятью (№ 46), китайским зеркалом (№ 36), монетами (№ 27, 59).

По сравнению с предшествующим периодом состав предметов костюма расширился, появились новые категории: гривна в погребениях обоего пола; венки, пектораль, бляхи обуви — в мужских; элементы головного убора, сосудик-подвеска — в женских. Среди погребальных приношений отсутствуют светильники, зафиксированы новые маркеры престижа: чаши и кубки из стекла, бронзы, серебра, кованые бронзовые сосуды (в том числе их отдельные части) — в погребениях обоего пола; набор серебряной посуды, ритоны/рога для питья (?) с золотыми наконечниками, бронзовый шлем, канделябр, серебряная ложка, оселок с золотым наконечником, золотая ворворка — в мужских; зеркало с золотой рукоятью, китайское зеркало, монеты — в женских. Признак «алебастровый сосудик» перешёл из женского в мужской инвентарь.

Внутрикультурные, инокультурные и кросс-культурные предметы престижа

Для данного периода выделены два ареала распространения элитарных погребальных комплексов, отличающихся обрядом: 1) «восточный» (подкурганые погребения Волго-Донских степей, в том числе единственное *Prunk*-погребение⁶ в Косике (№ 44)); 2) «западный» (группа ритуальных кладов) (Мордвинцева 2020а: рис. 2).

Предметы костюма. Внутрикультурные маркеры престижа представлены простыми золотыми нашивными бляшками, элементами расшивки головного убора, височными кольцами, пронизьями, перстнями, гривнами и браслетами в виде простого прута. Серьга из Виноградного (№ 36) в виде кольца с напаянными на него рядами колечек (Treister 2007: 118 Тур 4.2.2.5) — одна из наиболее ранних находок типа, распространённого в последующий период в юго-западном Крыму и в северо-западном Причерноморье. Наиболее вероятно их местное происхождение. Наконечник гривны из Косики (№ 44) в виде головы копытного животного типологически близок окончаниям гривен и браслетов из несколько более поздних варварских контекстов Северного Причерноморья (Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A234.2, B37.3, B44a.1, B/1.1, B/1.13) и был изготовлен, видимо, в локальной мастерской. Железные пряжки из Арбузовского (№ 29) и Нового (№ 50) украшены золотой фольгой, они также, видимо, являются местной продукцией.

Инокультурные и кросс-культурные маркеры престижа включают погребальный венок и некоторые сложные типы персональных украшений. В комплексе Косики (№ 44) обнаружены золотые листики погребального

⁶ О термине см. (Kossack 1998).

венка — признак, характеризующий культурную норму в греко-римской погребальной традиции (Kurtz, Boardman 1971: 101, 163, 165, fig. 39) (инокультурная инсигния). Вероятно, помещение погребальных венков в могилу представителя высшей элиты Волго-Донского региона является свидетельством заимствования не столько самого предмета, который мог быть изготовлен на месте, но и сопряжённого с его использованием ритуала, который воспринимался как социально престижный.

Нашивные бляшки из Косики (№ 44) сделаны в технике перегородчатой инкрустации (клуазоне), характерной для ближневосточных ювелирных изделий, и, возможно, являются импортами из Малой Азии (Понта) или дериватами подобных изделий (Treister 2007a: 295—296).

Височные подвески/серьги из курганов Крестовый (№ 26) и Майеровского (№ 46) технологически и стилистически близки прикубанским серьгам (Treister 2007: 111—112 Тур 4.1.6) и, видимо, являются изделиями мастерских Прикубанья. Серьга с треугольным щитком из кургана 26 у хутора Алитуб (№ 27) представляет собой новый тип украшений, видимо, имитирующий эллинистические серьги с подвесками⁷ (кросс-культурный дериват), который становится лидирующим в регионе в последующий период, когда их основная концентрация отмечается на Нижнем Дону, в западной части Нижнего Поволжья и в Крыму (Treister 2007: 124—126 Тур 4.2.3.3.2). Серьги из Калиновки имеют центральноазиатское происхождение (Трейстер 2019: 208—209) (инокультурный оригинал).

Пектораль из Косики (№ 44) является древним предметом — инсигнией власти, отдельные части которой были изготовлены не позднее первой пол. V в. до н.э. в рамках греко-скифской традиции торевтики Северного Причерноморья (инокультурный оригинал) и соединены в один предмет в конце V — первой трети IV в. до н.э. (Трейстер 2020: 398). М.Ю. Трейстер предположил, что до того, как попасть в могилу, пектораль хранилась в одном из святилищ Причерноморья, Малой Азии или Закавказья (Трейстер 2020: 399).

Подвески из Виноградного (№ 36) (Treister 2007: 88—90 Тур 2.2.9.2), а также перстни и подвески из Майеровского (№ 46), судя по форме и способу орнаментации, сделаны в мастерских Прикубанья. Подвеска-лунница из Косики (№ 44) относится к типу, широко распространённому в античном мире (Treister 2007: 73 Тур 2.1.9.5; Лысенко, Мордвинцева 2019: 262—263), большое число таких находок сделано на памятниках Херсонеса, Боспора и Позднескифской культуры Крыма, весьма вероятно её боспорское производство. Сосудик-подвеска из Алитуба (№ 27) — один из наиболее ранних экземпляров этого типа; его основной территорией распространения был Нижний Дон. Такие флаконы, видимо, являются дериватами металлических флаконов, распространённых в культурах эпохи раннего железного века Ирана (Treister 2007: 52).

⁷ Как, например, из Ногайчинского кургана (Зайцев, Мордвинцева 2003 с литературой).

Браслеты из Верхнепогромного (№ 34) и Калиновки (№ 43) имеют окончания, оформленные в зверином стиле. Место их производства установить сложно, учитывая большую редкость подобных вещей. Им приводятся в основном аналогии среди сибирских и среднеазиатских находок (Трейстер 2019: 208—209), место производства которых также достоверно не установлено. Учитывая сложность изготовления таких изделий и их высокую художественную ценность, вероятно, мы имеем дело с импортными предметами восточного (возможно, иранского) происхождения. Наручь из Косики (№ 44), судя по элементам декора, изготовлена в мастерских Прикубанья.

Золотая поясная пластина Р-образной формы из Верхнепогромного (№ 34) по формальным признакам относится к группе «Ахеменидского звериного стиля» (Мордвинцева 2003: 78) и определена как изделие «восточного иранского круга» (Трейстер 2019: 200—201). В Жутовском комплексе (№ 40) обнаружена пара гагатовых пряжек — импорт из Центральной Азии (Трейстер 2019: 199). Парадный пояс из Косики (№ 44) изготовлен в высокоспециализированной мастерской Ирана или Малой Азии (Трейстер 2018; 2018а: 118). Пряжка из Нового (№ 48) выполнена в стиле, аналогичном зооморфным ручкам серебряных сосудов, распространённых в погребениях Волго-Донского региона I в. до н.э. — II в. н.э. (Мордвинцева, Хабарова 2006: 31—35). Можно предположить её изготовление в том же производственном центре, который, по мнению М.Ю. Трейстера, мог располагаться в Закавказье (так называемая школа Амсалака) (Трейстер 1994: 197—198). Пряжка из другого комплекса (№ 49) украшена зооморфными изображениями и относится к группе «Центральноазиатского звериного стиля» (Мордвинцева 2003: 79). Помимо пряжек и поясных пластин, пояса из погребений элиты Волго-Донского региона были украшены золотыми «ложечковидными» подвесками (№ 44, 60), которые, видимо, являются прямыми импортами или репликами металлических наконечников ремней из Южной Сибири и Забайкалья (Трейстер 2019: 207). В комплексе из Писаревки (№ 53) найдена бронзовая поясная ажурная пряжка с изображением нападения тигра на верблюда — вероятно, дериват Ордосских пластин, изготовленный в изучаемом регионе⁸.

Бляхи обуви в виде фигурок припавшего к земле хищника из Царёва (№ 57) довольно архаичны по стилю, возможно, являются предметами восточного импорта, для более точного определения их происхождения недостаточно данных.

Погребальные приношения. К внутрикультурным маркерам престижа определённо относятся деревянные чаши с золотыми обкладками, бронзовые литые котлы, серебряная модель котла, основная часть парадных мечей с золотыми обкладками ножен (№ 29, 30, 50, 53, 54, 60), колчаны с золотыми деталями (№ 30, 40, 53, 60), ритуальные пластины

⁸ О местном изготовлении таких пряжек см. (Трейстер 2019: 190).

(жезлы?) с зооморфными резными изображениями (№ 40, 53). Вероятно, внутрикультурными предметами являются также золотые оправы оселков (№ 34, 44) и ворворки (№ 34).

Для ареала воинских ритуальных кладов внутрикультурными маркерами престижа являются серебряные фалары и налобники из Антиповки (№ 28), Жутово (№ 39) и Таганрога (№ 56), которые относятся к группе изделий Причерноморского графического стиля (Mordvinceva 2001: 37).

Парадные мечи из двух комплексов являются, видимо, импортами (инокультурные инсигнии). Меч из Косики (№ 44), на котором недавно была обнаружена греческая надпись, изготовлен в Малой Азии, скорее всего, в Коммагене (Белоусов, Трейстер 2018: 111, 117). Короткий меч из Жутово (№ 40) по форме и орнаментации навершия отличается от стандартного оружия из погребений сарматской археологической культуры, в том числе парадного (Мордвинцева, Шинкарь 1999: 140—141). Место его изготовления определить затруднительно, поскольку удовлетворительные аналогии ему неизвестны.

В ареале воинских ритуальных кладов (№ 28) и в погребении северной части Поволжского ареала (№ 47) обнаружены шлемы типа Монтефортино италийского происхождения (Zajcev 2009: 223—224, Karte 3) (инокультурные оригиналы).

В Жутовском комплексе (№ 39) имеются несколько блях конской упряжи, для которых предположено среднеазиатское происхождение (Мордвинцева 1994: 99). Наплечные фалары из Косики относятся к группе Геометрического полихромного звериного стиля и, вероятно, изготовлены в Иране (Мордвинцева 2003: 79; Трейстер 2018а: 112). Ажурные бляхи оголовья из того же комплекса, судя по мелким деталям исполнения, скорее всего, сделаны в мастерских Прикубанья. Фалары из Кривой Луки и Яшкулья по форме являются кросс-культурными дериватами наплечных блях Греко-бактрийского типа (Mordvinceva 2001: 36—37), которые — с учётом техники их изготовления (а в случае Кривой Луки и сюжета изображения) — были изготовлены в традиции Причерноморского графического стиля (Mordvinceva 2001: 37).

Стеклянные чаши миллефиоре из Алитуба (№ 27) и Жутово (№ 42) — предположительно италийского производства (Трейстер 2019а: 261—262). Чаша из Калиновки (№ 43) происходит из Восточного Средиземноморья, возможно, с территории Сирии, Финикии или Палестины (Трейстер 2019а: 260—261). Стеклянные канфары типа найденных в Новом (№ 48) поступали в Донские степи, видимо, из Восточного Средиземноморья и Малой Азии через Закавказье (Засецкая, Марченко 1989: 72—73; Трейстер 2019б: 278). Бронзовая кружка из Виноградного (№ 36) относится к типу Идрия италийского производства (Раев 1993: 165).

Серебряная полусферическая чаша с накладным орнаментом из Верхнепогромного (№ 34) происходит из мастерских селевкидского круга (Treister 2007: 27; Трейстер 2018а: 116]. Фрагментированный канфар из Шаумяна (№ 59) в верхней части украшен канеллюрами, характерными

для произведений торевтики, рельефной керамики и стеклянных чаш Восточного Средиземноморья (Treister 2007: 23). Сегментовидная фиала из Майеровского (№ 46) аналогична сосудам, предположительно происходящим из северо-западного Ирана (Pfrommer 1993: Nr. 1—16, 45—46)⁹.

Группа кованых бронзовых сосудов италийского производства¹⁰ относится к категории инокультурных оригиналов: ковши (№ 27, 44, 48, 59), кружка (№ 36), патеры (сковороды) (№ 26, 44), кувшин и сосуд с шаровидным туловом (№ 43), тазы (№ 43, 44), кованый котёл (№ 40).

Набор серебряной посуды из погребения в Косике (№ 44) М.Ю. Трейстер отнёс к мастерской, которую он локализовал в Закавказье (Армения) (Трейстер 1994: 197—198). Фаянсовую флягу из Царёва (№ 57) он причисляет к «ранней волне парфянских импортов» (Трейстер 2018а: 124).

Остальные предметы престижа представлены китайским зеркалом (№ 36) (Гугуев, Трейстер 1995: 147—148), боспорскими монетами (№ 27, 59) (Безуглов 2001: 57—58; Засецкая и др. 1999: 60; Глебов 2002: 32), канделябром (возможно, импортом из Прикубанья) (№ 48), средиземноморскими стеклянными (Kucharczyk 2006: 96; Mazanek 2014) и керамическими сосудами для ароматических масел (№ 26, 40, 42, 49), малоазийскими или египетскими алебастровыми сосудиками (№ 29, 58), серебряной ложкой — предположительно дериватом римских изделий (*Ligula*)¹¹ (№ 48). Серебряная ложка из Косики (№ 44) является, вероятно, кросс-культурным артефактом — подражанием импортным греческим и римским образцам, дополненным нанесением тамги на внешнюю часть её черпака (Дворниченко, Фёдоров-Давыдов 1993: 153—155, рис. 9: 1). Среди находок в погребении Косики (№ 44) необходимо особо отметить находку ахеменидской цилиндрической печати V в. до н.э. (Трейстер 2020б).

Круглодонный серебряный кубок с грушевидным туловом из Калиновки (№ 43) по форме аналогичен некоторым кубкам с зооморфными ручками из погребений сарматской археологической культуры (Treister 2007: 25—26), место его изготовления неясно. Недостаточно информации для определения происхождения золотых нитей, наконечников ритонов/рогов для питья (№ 34, 44), зеркала с обложенной золотым листом рукоятью (№ 46).

ПЕРИОД I — 1-я пол. II в. н.э.

Состав маркеров престижа

Детали костюма представлены золотыми нитями (№ 62, 86, 90, 97, 99, 102, 104, 107, 109, 128), нашивными бляшками (№ 61, 62, 64, 67, 73, 75, 78, 80, 82, 83, 85—88, 90, 91, 93, 97—100, 102, 103, 107, 109, 111—115, 117,

⁹ О парфянском происхождении чаши см. также (Трейстер 2018а: 113)

¹⁰ Подробно об этой категории предметов престижа см. (Трейстер 2020а).

¹¹ О римских *Ligulae* в варварских контекстах Северного Причерноморья см. Приложение 1 М.Ю. Трейстера (Mordvinceva, Treister 2004: 78—80).

119, 122, 124—126, 128, 129), деталями головного убора (№ 69, 97), диадемами/коронами (№ 97, 106, 128), височными кольцами (№ 118), серьгами (№ 75, 80, 82, 91, 113, 115, 120), пронизьями (№ 62, 71, 72, 78, 80, 86, 90, 102—104, 110, 113, 115, 121, 125, 126, 128, 129), гривнами (№ 125, 128), бусами (№ 90, 109, 110, 116), подвесками (№ 61, 65, 68, 75, 79, 90, 99, 115), ожерельями (№ 67, 120, 124), цепочкой (№ 122), сосудиками-подвесками (№ 82, 97, 128), фибулой-брошью (№ 112), пуговицами (№ 114), браслетами (№ 68, 86, 97, 106, 107, 122, 125, 128), перстнями (№ 61, 97, 110, 120, 125), деталями пояса (№ 83, 86, 94, 105, 107, 111, 114, 117, 125, 127). Из них гендерно-нейтральными являются золотые нити, нашивные бляшки и пронизы, подвески, гривны, браслеты. К мужскому костюму относятся фибула-брошь, детали пояса. Женские украшения составляют золотые детали головного убора, корона/диадема, височные кольца, серьги, перстни, ожерелья, бусы, сосудик-подвеска.

Погребальные приношения. Сосуды для питья представлены деревянными чашами с золотыми и бронзовыми обкладками (№ 65, 67, 68, 71, 81, 97, 102, 110, 111, 114, 125), чашами, кубками и канфарами из бронзы (№ 84, 119, 129), серебра (№ 71, 75, 79, 85, 87, 102, 114, 119, 126, 128, 129), золота (№ 85, 106, 128), стекла (№ 83, 85—87, 96, 97, 111, 112). Наличие ценного сосуда для питья является гендерно-нейтральным признаком. Металлическая посуда состоит из бронзовых литых котлов (№ 63, 64, 66, 70, 71, 74, 82, 84, 85, 87, 91, 99, 102, 114, 119, 120—122, 127), кованых сосудов: ковш (№ 61, 64, 69, 77, 124), патера/сковородка (№ 107, 121), таз (№ 63, 64, 70, 71, 79, 85, 87, 95, 108, 114, 121, 130), кувшин (№ 85, 101, 106, 121, 130), ситула (№ 77), сосуд (№ 71, 72, 79, 87, 109, 111, 128), котёл (№ 61, 71, 89, 101, 119, 130), амфора (№ 63, 64, 128), аск (№ 63), черпак (№ 96, 108, 130), ситечко (№ 77, 85, 130), тарелка (№ 87), фиала (№ 87). В целом наличие металлической посуды также является гендерно-нейтральным признаком. При этом пара бронзовых литых котлов — признак, характерный для женских погребений. Ковши (№ 61, 64, 69, 77, 124) и их поддоны (№ 62, 82, 109) также обнаружены только в женских комплексах. Импортные неметаллические сосуды представлены единичными находками: краснолаковым сосудом в виде барана (№ 97), стеклянными блюдом (№ 62) и сосудом (№ 88). Их связь с полом погребённого неочевидна. Находки тарных амфор (№ 64, 72, 83, 86, 119) сопряжены, видимо, только с мужскими комплексами. Наборы серебряной посуды также обнаружены в мужских и предположительно мужских комплексах (№ 85, 87, 114, 119).

Парадные оружие и упряжь обнаружены только в мужских погребениях. К парадному оружию относятся короткий меч в золотых ножнах (№ 86), колчан с золотыми деталями (№ 114). Части доспеха происходят из комплексов, гендерная принадлежность которых не определена: умбон от щита (№ 85, 119), кусочки кольчуги (№ 101). Парадная упряжь состоит из фаларов (№ 68, 81, 83, 86, 87, 95, 97, 104, 112, 119) и декорированных золотом и серебром псалиев (№ 87, 96, 110, 115, 119). Другие

предметы престижа в мужских погребениях включают ритуальные пластины (№ 68, 114), оселок (пробирный камень?) в золотой оправе (№ 117), алебастровые сосудики (№ 88, 117, 118, 123).

Предметы престижа в женских погребениях представлены канделябром (№ 99), серебряной ложкой (№ 97), металлическими частями вееров, пиксидой, терракотой, ножками мебели (№ 128), китайскими зеркалами и подражанием им (№ 65, 96, 97, 123), шкатулками (№ 71, 97, 115, 119). Находки стеклянных бальзамариев (№ 85, 120) являются гендерно-нейтральным признаком.

По сравнению с предшествующим периодом из состава предметов костюма исчезли погребальный венок, пектораль, бляхи обуви. Появились новые маркеры: диадема/корона, бусы, ожерелье, цепочка, фибула-брошь, пуговицы. В составе погребальных приношений отсутствуют наколенники ритонов, бронзовые шлемы, зеркало с золотой рукоятью, монеты. Появились новые категории: краснолаковый сосуд в виде барана, стеклянное блюдо, тарные амфоры, куски кольчуги, умбон от щита, металлические части вееров, шкатулки с драгоценными деталями, пиксида, терракота, серебряные ножки мебели.

Внутрикультурные, инокультурные и кросс-культурные предметы престижа

В данный период исчезают комплексы вотивных кладов. В регионе отмечено несколько центров силы, маркированных *Prunk*-погребениями — на Нижнем Дону и в междуречье Дона и Волги (Мордвинцева 2020а: 269).

Предметы костюма. Среди предметов костюма внутрикультурные маркеры престижа представлены простыми золотыми нашивными бляшками, деталями головного убора, височными кольцами, пронизьями, бусами, подвесками, пряжками и наконечниками ремней.

Предположительно из трёх комплексов происходят «диадемы» — украшения головного убора (№ 97, 106, 128). Эклектичный «греко-варварский характер» короны отмечает И.П. Засецкая (Засецкая 2011: 60). М.Ю. Трейстер считает корону из кургана Хохлач (№ 128) изделием северочерноморской мастерской с использованием «антикварных элементов» позднеэллинистических украшений. Корона была рассчитана на вкусы «сарматского клиента» (Treister 2007: 59). Аналогичной он считает утраченную диадему из Мигулинской (№ 106). Смешение различных художественных традиций позволяет отнести рассмотренные изделия к кросс-культурным гибридам (по крайней мере, в случае Хохлача). Украшение из кургана 10 Кобяково (№ 97), видимо, также являлось обручем — частью сложного головного убора, изготовленного в традициях «стиля Тилля-тепе» (Mordvintseva 2010: 194—195) и для Волго-Донского региона, очевидно, являвшегося импортом (инокультурным оригиналом).

Часть серёг (№ 75, 80, 113) относится к типу с треугольным щитком, стеклянными вставками и цепочками-подвесками (Мордвинцева,

Хабарова 2006: 12; Treister 2007: 124—126 Тип 4.2.3.3.2). Вероятно, они являются дериватами серёг восточного типа (парфянских?) (см. Трейстер 2018а: рис. 16: 2). Серьги из Заканального (№ 91) (Мордвинцева, Хабарова 2006: 13), Высочино (№ 82) (Treister 2007: 129—130 Тип 4.2.3.5) и Сладковского (№ 120) (Treister 2007: 119—122 Тип 4.2.3.1) в виде стилизованных амфорок представляют собой, очевидно, дериваты античных украшений. При этом серьги со щитком обнаружены преимущественно в комплексах междуречья Волги и Дона, а амфоровидные подвески — на Нижнем Дону.

Гривны (№ 125, 128) и браслеты (№ 97, 122), украшенные зооморфными изображениями, были изготовлены, вероятно, в северопричерноморских (боспорских?) мастерских (Засецкая 2003: 46—52). При разработке дизайна этих изделий мастера, вероятно, ориентировались на инсигнии, распространённые в государствах Переднего Востока и Центральной Азии (кросс-культурные дериваты).

Браслеты из Барановки (№ 68) и Титчихи (№ 125) относятся к типу с «завязанными концами», характерному для позднелатенской культуры (Treister 2007: 148 Тип 4.1.2.1.1) и широко распространённому в том числе в Северном Причерноморье. Прототипами браслетов с расширяющимися концами (№ 107) М.Ю. Трейстер считает украшения из Северо-Западной Индии и Центральной Азии (Treister 2007: 148—149 Тип 4.1.2.1.2). Браслеты из кургана Дачи (№ 86) также относятся, вероятно, к центрально-азиатским импортам (Mordvintseva 2010: 194).

Ожерелья из Сладковского (№ 120), Барановки (№ 67) и Старицы (№ 124) принадлежат к «восточной» (Treister 2007: 86), видимо, иранской (Мордвинцева 2003: 40, 52) производственной традиции (Трейстер 2018а: 120—121). Подвески в виде круглых медальонов (№ 61, 65, 75) и лунниц (№ 61) изготовлены в северопричерноморских (боспорских?) мастерских (Мордвинцева, Хабарова 2006: 17; Treister 2007: 73), как и подвески-амулеты в виде бусины в золотых колпачках (№ 65, 68, 79) или цилиндры с ушками-петлями, прототипом которых были, возможно, закавказские и ближневосточные украшения (Treister 2007: 73).

Выполненные в одном стиле пиксида и сосудик-подвеска из Хохлача (№ 128), вероятно, происходят из мастерских Ирана или, так же как и экземпляры из Высочино (№ 82) и Кобяково (№ 97), являются изготовленными предположительно в боспорских мастерских дериватами флаконов, распространённых в культурах Ирана эпохи раннего железного века (Treister 2007: 52).

Фибула-брошь из Октябрьского (№ 112) относится к провинциально-римским изделиям (Мордвинцева, Мыськов 1999).

Золотой брачный перстень из Кобяково и перстни из Нового (№ 110), Сладковского (№ 120) и Титчихи (№ 125), вероятнее всего, боспорского производства (Treister 2007: 161). Бронзовый перстень-печать из Авилковского (№ 61) относится к так называемому птолемеевскому типу (Трейстер 1982: 70, 76; Сергацков 2000: 140—141) (оригинал или боспорская реплика образцов из птолемеевского Египта).

Пуговицы из Октябрьского-V (№ 114) с орнаментом в технике клуазоне, возможно, северопричерноморского происхождения (Treister 2007a: 295). Нашивные бляшки в виде ступенчатых пирамидок — переднеазиатский мотив, хотя сами бляшки изготовлены в «сарматской среде» (Трейстер 2018a: 119) (кросс-культурные реплики). Нашивные бляшки из кургана Хохлач (№ 128), выполненные в технике перегородчатой инкрустации, либо ближневосточного происхождения, либо были изготовлены в мастерских Северного Причерноморья (боспорских?) как дериваты импортных образцов.

Золотые ложковидные подвески (№ 83, 86, 114) происходят от металлических наконечников ремней из Южной Сибири и Забайкалья (Трейстер 2019: 207). При этом подвески из кургана Дачи (№ 86) дополнены бирюзовыми вставками, одна из них украшена изображением свернувшегося дракона в «стиле Тилля-тепе» (Mordvintseva 2010: 194) и является, видимо, центральноазиатским импортом. Пряжка из Титчихи (№ 125) с напаянным проволочным орнаментом изготовлена, скорее всего, в северопричерноморских (боспорских?) мастерских. Пряжка из Октябрьского (№ 111), украшенная головой копытного животного, стилистически и по способу изготовления аналогична ручкам серебряных кубков в виде различных животных, обнаруженных в Волго-Донском регионе. Прямоугольная поясная пластина из Никольского (№ 107) относится к стилистической «группе Тилля-тепе» (Мордвинцева 2003: 51) и, очевидно, является парфянским импортом (Трейстер 2018a: 129). К дериватам таких пластин, изготовленным, видимо, в Северном Причерноморье, относится поясная пластина из Мехзавода (№ 105).

Пояс из Первомайского (№ 117), выполненный в технике клуазоне, видимо, в мастерских Северного Причерноморья (Treister 2007a: 295), по типу составляющих элементов (парные фронтальные поясные пластины каплевидной формы, оконечники и подвески) является дериватом восточных (центральноазиатских?) образцов, оригиналы которых представлены, например, в мужском погребении у с. Пороги (Симоненко, Лобай 1991: 16, рис. 8). Поясные пластины из Хапров (№ 127) определённо относятся к центральноазиатской художественной традиции (Мордвинцева 2003: 51–52), место их изготовления, однако, пока не может быть точно установлено.

Погребальные приношения. К внутрикультурным маркерам престижа относятся: деревянные чаши с золотыми и бронзовыми обкладками, бронзовые литые котлы, колчан с золотыми деталями, ритуальные золотые пластины («жезлы») с зооморфными изображениями.

Стеклянные литые канфары, кубки, стаканы и другие сосуды (№ 62, 83, 85, 87, 88, 96, 97, 112, 114) были изготовлены в Средиземноморье, в качестве вероятных центров их производства М.Ю. Трейстер называет мастерские Сирии и Палестины, а также Центральной и Северной Италии (Трейстер 2019б: 273). Чаша, выполненная в технике миллефиоре, фрагменты которой обнаружены в Октябрьском-I (№ 111), изготовлена, вероятнее всего, в Восточном Средиземноморье (von Saldern 1974: 115).

Серебряные чаши с медальонами из Садового (№ 119) изготовлены разными мастерами в одной или нескольких мастерских в Восточном Средиземноморье (Малой Азии, Сирии или Египте) (Treister 2007: 35). Бронзовые и серебряные фиалы (№ 79, 84, 129), возможно, северопричерноморского происхождения или были доработаны в мастерских этого региона¹².

Серебряные канфары из Высочино-VII (№ 85) и Тузлуков (№ 126) изготовлены в мастерских Северного Причерноморья (Treister 2007: 18) и, видимо, являются дериватами средиземноморских экземпляров. Серебряные скифосы из Хохлача (№ 128) и Жутово (№ 87), скорее всего, италийского производства (Treister 2007: 22).

Сегментовидные чаши из Октябрьского-V (№ 114), Ново-Александровки-I (№ 108), Жутово (№ 87), полусферическая чаша с туловом, украшенным каннелюрами, из Октябрьского-V (№ 114), переделанный из полусферической чаши кубок из Жутово (№ 87), серебряные кубки из Царского (№ 129) и Октябрьского-V (№ 114), золотой кубок из Высочино-VII (№ 85) — парфянской работы (Treister 2018a: 113—115). К изделиям эллинистического Востока, возможно, относится также тарелка из Жутово (№ 87), но точные аналогии ей неизвестны.

Кросс-культурными дериватами иранских образцов являются, видимо, кувшин из Высочино-VII (№ 85), таз из Ново-Александровки (№ 108) (добавлена ручка в Танаисе? на Боспоре?), чаши и кубки с зооморфными ручками (Трейстер 2018a: 116—117). Серебряный таз из Ново-Александровки изготовлен в Италии или Греции, после чего был переделан — к нему добавлена серебряная ручка в виде хищника (Трейстер 2018a: 117)¹³. Чашам и кубкам с зооморфными ручками (№ 71, 79, 85, 87, 102, 114, 128, 106) посвящена обширная литература (Королькова 2003; Мордвинцева, Хабарова 2006: 31—32; Treister 2007: 48; Mordvinceva 2007: 216—218; Засецкая 2011: 166, 172). Однако место их изготовления пока достоверно не установлено. Возможно, они являются дериватами сосудов восточного (парфянского?) происхождения. На их вероятное северопричерноморское производство может указывать факт находки в Усть-Альминском могильнике деревянных чаш с ручками, аналогичными по стилистическим признакам некоторым из серебряных экземпляров (Зайцев, Мордвинцева 2002).

К бронзовой и серебряной римской и провинциально-римской посуде относятся кованые сосуды — ковши (№ 61, 64, 77, 124), патеры/сковородки (№ 107, 121), тазы (№ 63, 64, 70, 71, 79, 85, 87, 95, 114, 121, 130), кувшины (№ 101, 106 (?), 121, 130), ситула (№ 77), сосуды (№ 71, 72, 79, 87, 109, 111, 128), котлы (№ 61, 71, 89, 101, 119, 130), амфоры (№ 63, 64, 128), аск (№ 63), черпаки (№ 96, 108, 130), ситечки (№ 77, 85, 130) (Raev 1986; Трейстер 2019в; 2019г). Железный ковш с пластинчатой ручкой из Барановки-I (№ 69), видимо, является кросс-культурным дериватом таких изделий.

¹² О медальоне фиалы из Вербовского (№ 79) см. (Treister 2007: 35).

¹³ Серебряный кубок со стилистически близкой ручкой обнаружен в кургане 51 могильника Перегрузное I (Балабанова и др. 2014: 200, рис. 111: 4—6).

Краснолаковый сосуд в виде барана из Кобяково (№ 97) происходит из римских провинций (Малой Азии, Паннонии?) (Сорокина 1997: 28–35; Симоненко 1998; Marčenko, Limberis 2008: 308). Фрагменты глазурованной столовой амфоры из Жутово (№ 88) — парфянского производства (Трейстер 2018а: 125).

Светлоглиняные псевдокосские амфоры с двуствольными ручками типов Dressel 2–4 (№ 64, 119), которые изготавливались в различных центрах, в том числе в Причерноморье, и узкогорлые амфоры производства Гераклеи Понтийской (№ 72, 83, 86) — самая массовая тара на памятниках Причерноморья римского времени, в которой экспортировалось вино (Внуков 2003: 28, 196–197; 2016: 36).

Короткий меч в золотых ножнах из кургана Дачи (№ 86) является продукцией мастерской, работавшей в «стиле Тилля-тепе» (Mordvintseva 2010: 187, 194) и, соответственно, инокультурной инсигнией. Можно согласиться с М.Ю. Трейстером, что он мог быть изготовлен в Парфии (Трейстер 2018а: 127).

Умбоны от щита — германского происхождения (№ 85, 119) (Щукин 2004; 2006: 174). Кусочки кольчуги из Арпачина (№ 101) являются, вероятно, частью кольчужного доспеха из рядов сплошных и заклёпанных/сведённых колец (*Lorica Hamata*). Считается, что кольчуга была изобретена кельтами и была перенята у них римлянами (Bishop, Coulston 1989: 20). В римский период кольчужные рубахи носили легионеры и ауксиларии, пехота и конница, у варваров Северного Причерноморья они появляются на рубеже эр (Новиченкова 2011: 277, 279–280).

Фалары конской упряжи, как правило, представлены наборами, в которые входили две больших седельных («наплечных») бляхи и 5–9 малых блях оголовья, в том числе украшавших концы стержневидных псалиев. Сам тип таких упряжных наборов, видимо, восточного происхождения (Mordvinceva 2001: 48–49 Тип I.2). Некоторые экземпляры относятся к импортным изделиям из парфянского Ирана (№ 119, возможно, № 83). Но большинство их было изготовлено в Северном Причерноморье (на Боспоре?) как дериваты парфянских образцов: изображения на них серийные и представляют собой однотипные мотивы. В основном это свернувшийся в кольцо хищник и свастикообразно свернувшийся козёл/баран, реже — сцена терзания (№ 81, 83, 87, 95, 112). Набор фаларов из кургана Дачи (№ 86), видимо, боспорского производства. К другому типу упряжи относятся выпуклые фалары с прямоугольной щелью посередине из Барановки-I (№ 68) и Кобяково (№ 97), зафиксированному пока только в Волго-Донском регионе (Mordvinceva 2001: 53 Тип III).

Оселок (пробирный камень?) в золотой оправе (№ 117), судя по технике изготовления (ряды элементов орнамента из напаянной проволоки), изготовлен в мастерских Боспора или Прикубанья.

Предметы престижа в женских погребениях представлены канделябром, вероятно, прикубанского происхождения (№ 99), серебряной ложкой (№ 97) — предположительно дериватом римских изделий (Mordvinceva,

Treister 2004: 79), фрагментом античной терракоты (№ 128) (использовалась в качестве амулета?), китайскими зеркалами (№ 96, 97, 123) (Гугуев, Трейстер 1995: 143—144, рис. 2: 2—3, 3: 6) и их кросс-культурным дериватом (№ 65) (Гугуев, Трейстер 1995: 145—146, рис. 4: 5), китайскими лаковыми изделиями (№ 115, 119) (Мордвинцева, Мыськов 2005)¹⁴, античными (боспорскими?) шкатулками с отделкой из драгоценных материалов (№ 71, 97).

Из кургана Хохлач (№ 128) происходят золотые части вееров¹⁵. Хотя наиболее ранние веера происходят из Передней Азии и Египта, они широко распространились в культуре греков и римлян, поэтому на место их изготовления указывают, скорее, их стилистические характеристики. Один из экземпляров Хохлача выполнен в полихромном зверином стиле (группа «Центрально-азиатского звериного стиля») (Мордвинцева 2003: 51—52), наиболее вероятно его импортное (парфянское?) происхождение. Другой экземпляр украшен геометрическим орнаментом в технике клуазоне, для которой М.Ю. Трейстер предположил северопричерноморское происхождение (Treister 2007a: 295), что представляется по отношению к данному артефакту не вполне обоснованным, учитывая отсутствие сведений о сколь-нибудь широком распространении/изготовлении вееров в регионе в это время.

Серебряные ножки мебели из кургана Хохлач (№ 128), по определению М.Ю. Трейстера, относятся к деталям стационарного стула или табурета и имеют переднеазиатское (парфянское) происхождение (Трейстер 2018a: 131).

В погребениях элиты региона зафиксированы также находки стеклянных бальзамариев (№ 85, 120), вероятно, происходящие из мастерских римского Востока (Трейстер 2019д: 48), и алебастровые сосудики малоазийского или египетского производства (№ 88, 117, 118, 123).

Место изготовления золотых нитей, цепочки (№ 122) и фалара без изображений (№ 104) не установлено.

ПЕРИОД 2-й пол. II — 1-й пол. III в. до н.э.

Состав маркеров престижа

Предметы костюма представлены золотыми нитями (№ 140, 141, 151, 152), нашивными бляшками (№ 135, 141, 148, 150, 153, 157), деталями головного убора (№ 141), височными кольцами (№ 137, 142), серьгами (№ 134, 151), ожерельем (№ 138), пронизьями (№ 136, 151, 153), подвесками (№ 135, 137, 141, 142, 148, 153), бусами (№ 137, 141, 142), сосудиками-подвесками (№ 133, 136), перстнями (№ 135, 148), фибулой (№ 159), элементами пояса (№ 136, 138, 143, 144, 149, 151, 152, 156). Из них гендерно нейтральными являются золотые нити, нашивные бляшки, гривна, браслеты. К мужско-

¹⁴ Л.С. Клейн упоминает о находке при раскопках Садового кургана «лоскутков плёнки от красной и чёрной краски, которая отлущилась от какого-то деревянного предмета», вероятно — от лакового изделия (Клейн 2016: 114).

¹⁵ Эти изделия неоднократно опубликованы как «флаконы». Интерпретации этих и подобных по конструкции изделий как металлических частей вееров «круглого» или «колёсовидного» типа посвящена специальная статья (Рога 2007).

му костюму относятся: золотое ожерелье, серебряная фибула, драгоценные детали пояса. Женские украшения составляют: золотые детали головного убора, серьги, пронизи, подвески, бусы, перстни, сосудик-подвеска.

Погребальные приношения. Серебряные кубки (№ 139, 154) происходят из мужских погребений, бронзовая чаша (№ 154) и стеклянные стаканы (№ 137, 141, 151) — из женских. Деревянные сосуды с драгоценными оковками (№ 144, 151), литые бронзовые котлы найдены как в мужских, так и в женских комплексах (№ 131, 135, 137, 142, 146, 148). Бронзовые ситечки (№ 147, 154), кувшин, черпак, краснолаковый сосуд в виде барана, стеклянная мисочка (№ 154) обнаружены в мужских погребениях. Амфора, ойнохоя и сделанные из бронзовых сосудов амулеты (№ 135), стеклянные сосуды (№ 150, 153), в том числе рог для питья (№ 148) — в женских. Гендерно-нейтральными являются находки бронзовых кованых ковшей (№ 135, 136, 141, 148), котлов (№ 133, 144, 154, 157, 158), тазов (№ 136, 141, 145, 147, 151, 154), стеклянных кувшинов (№ 148, 154), тарных амфор (№ 145, 150, 152).

Находки парадного оружия в мужских погребениях представлены длинными мечами с драгоценными деталями рукояти и/или ножен (№ 131, 132, 136, 139, 143, 144, 146, 154, 155, 157, 159), боевым ножом в украшенных золотой фольгой ножнах (№ 139), в женском — кинжалом с обложенной золотом рукоятью (№ 148). Панцирь обнаружен в мужском погребении (№ 138). Золотые фалары (№ 136, 143, 144, 146, 147, 154, 156, 158, 159), пряжки и зажимы (№ 144, 147, 154, 159), бусы (№ 144, 159) упряжи, драгоценные детали нагайки (№ 132, 149, 154, 159) происходят из мужских погребений.

Остальные предметы престижа в женских погребениях: канделябр (№ 148), китайское зеркало (№ 137), шкатулка с драгоценными деталями (№ 135), керамический и стеклянный флаконы (№ 135), в мужских — алебастровый сосудик (№ 139).

По сравнению с предыдущим хронологическим периодом из состава престижных предметов костюма исчезли диадемы/короны, браслеты, гривны, цепочки, фибула-брошь, пуговицы, инталии; добавились серебряные фибулы. В составе погребальных приношений перестали использовать колчаны с золотыми деталями, ритуальные жезлы, модельки котла, наборы серебряной посуды, серебряные ложки, оселки с золотыми деталями, стеклянное блюдо, куски кольчуги, умбоны от щита, металлические части вееров, пиксиды, терракоты, металлические ножи мебели. Новые категории маркеров престижа: стеклянный ритон, панцирь, детали нагайки.

Внутрикультурные, инокультурные и кросс-культурные предметы престижа

Основное число комплексов элиты сосредоточено в низовьях Дона. *Prunk*-погребения не отмечены.

Предметы костюма. Внутрикультурные маркеры представлены простыми золотыми нашивными бляшками, височными кольцами

и серьгами, остатками головного убора, пронизьями, лучковой фибулой, деревянными сосудами с драгоценными оковками, пряжками и наконечниками ремней.

Серьги из Ново-Александровки (№ 151) с треугольным щитком и шумящими подвесками являются переходным типом от серёг с треугольным или фигурным щитком I в. н.э. (Treister 2007: 127) — вероятных дериватов парфянских украшений, изготовленных в Северном Причерноморье.

Ожерелье с амфоровидными подвесками из Весёлого-VI (№ 138) — очевидный дериват эллинистических украшений, произведено, скорее всего, в мастерских Боспора (Treister 2007: 79—80). Шейные украшения из золотых бус и подвесок происходят преимущественно с территории Боспора и из погребений Нижнего Подонья (№ 135, 137, 141, 142, 153) (Treister 2007: 83), их составные части, видимо, производились в мастерских Северного Причерноморья (боспорских?). Ведёрковидная подвеска из электра (№ 142) относится к типу, распространённому в основном в Северном Причерноморье (Крым, Нижнее Поднепровье и Поднестровье) (Treister 2007: 98—99). Амулет-подвеска со вставкой из горного хрусталя (№ 148), судя по напаянным элементам орнамента и форме украшения, происходит из мастерских Боспора или Прикубанья.

Сосудики-подвески (№ 133, 136), прототипы которых происходят из культур Ирана (Treister 2007: 52), находят исключительно на территории Боспорского царства и его варварской периферии, что свидетельствует об их изготовлении на данной территории.

Три перстня со вставками гемм на гранатовых кабошонах из Валового-I (№ 135) относятся к боспорской работе (Максимова 1957; Treister 2007: 160). Перстень из Нагавского-II (№ 148), судя по наличию двух вставок, вероятно, относится к «брачным» (Treister 2007: 159, 161) и является дериватом античных перстней этой категории, изготовленным в северопричерноморских мастерских.

Элементы поясных наборов состоят из пряжек и оконцовок ремней (№ 136, 138, 143, 144, 149, 151, 152, 156), которые относятся, в целом, к группам I и IIa по В.Ю. Малашеву, они были распространены в основном на Нижнем Дону, Крыму, Нижнем Поднепровье и Поволжье (Малашев 2000: 198—199). Местом их изготовления, возможно, были центры Северного Причерноморья (Боспор?).

Погребальные приношения. К внутрикультурным маркерам престижа относятся бронзовые литые котлы, обложенные золотой фольгой украшения упряжи, драгоценные детали нагайки.

Серебряный канфар из Высочино-I (№ 139) является предположительно дериватом античных изделий (Treister 2007: 20). Стекланные стаканы (№ 137, 141, 151), мисочка (№ 154), сосуды (№ 150, 153, 154) происходят из западных провинций Римской империи. В частности, стекланные кувшины (тип Isings 126) и рог для питья (тип Isings 113) из Нагавского (№ 148) относятся к изделиям рейнских мастерских (Трейстер 2019д: 41).

Краснолаковый сосуд в виде барана (№ 154), вероятно, производства Малой Азии или Паннонии (Сорокина 1997: 28–35; Симоненко 1998; Marčenko, Limberis 2008: 308).

Римские и провинциально-римские сосуды представлены бронзовыми коваными ковшами (№ 135, 136, 141, 148), котлами (№ 133, 144, 154, 157, 158), тазами (№ 136, 141, 145, 147, 151, 154), амфорой, ойнохоей (№ 135), ситечками (№ 147, 154), кувшином, черпаком (№ 154). Зафиксированы также сделанные из бронзовых сосудов амулеты (№ 135). Тарные светлоглиняные узкогорлые амфоры для вина (№ 145, 150, 152) относятся к производству Гераклеи Понтийской (Внуков 2016: 36).

Находки парадного оружия в мужских погребениях представлены длинными мечами с каменными, часто халцедоновыми навершиями (№ 131, 136, 139, 146, 155, 157, 159), ножны которых в некоторых случаях украшались золотыми деталями с окружёнными зернью кастами (№ 143). Их изготовление предполагается как на Боспоре (на основании аналогий элементам декора, в частности, обрамления вставок) (Mordvintseva 2015: 185; ср. Трейстер 2018а: 132), так и в мастерских Среднего Востока или Индии (Безуглов 2000: 178–180; Кривошеев, Скрипкин 2006: 133; Трейстер 2018а: 132). Не исключено, что некоторые экземпляры из волгодонского барбарикума являются дериватами восточных образцов.

Бляхи конской упряжи геометрических форм, пряжки и зажимы, а также украшения упряжи, декорированные золотой фольгой с точечным заполнением (№ 136, 143, 144, 146, 147, 154, 156, 158, 159), известны в комплексах воинской элиты на периферии Боспорского царства и были изготовлены, видимо, в Северном Причерноморье. При производстве набора украшений упряжи из Ростова-на-Дону (№ 154) с изображениями, среди которых представлены личины в рогатом шлеме, всадники, зооморфные персонажи, мастер, возможно, ориентировался на иранские (?) прототипы.

Другие предметы престижа: канделябр, предположительно кубанского происхождения или дериват (№ 148), китайское зеркало (№ 137), керамический и стеклянный античные флаконы (№ 135), алебастровый сосудик малоазийского или египетского происхождения (№ 139).

Недостаточно информации для определения происхождения золотых нитей, кинжалов и ножа с драгоценными деталями (№ 132, 139, 144, 148, 154), панциря (№ 138), шкатулки с костяными и бронзовыми деталями (№ 135).

СЕТЕВЫЕ СВЯЗИ ВАРВАРСКИХ ЭЛИТ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА

Наблюдения, основанные на анализе погребений элиты, позволяют сделать выводы относительно произошедших изменений в количественном и качественном составе обнаруженных в них маркеров престижа.

Можно отметить некое «ядро» мужских и женских наборов предметов престижа, которое сохраняется на протяжении всех периодов, хотя их процентный состав меняется. Так, к элементам костюма (табл. 1) относятся расшитые золотыми нитями, бляшками и пронизями ткани, браслеты, специфические женские украшения (височные кольца, серьги, подвески, перстни) и мужские поясные наборы. Общие для всех периодов погребальные приношения (табл. 2) представлены драгоценными кубками/чашами для питья, бронзовыми литыми котлами, в редких случаях — косметическими сосудами, а в мужских погребениях также парадным оружием и конской упряжью. При этом для периодов III—II вв. до н.э. и конца II—I вв. до н.э. в регионе выделяются две группы элитарных комплексов, различающихся наборами предметов престижа — «западная» и «восточная» (Мордвинцева 2020а: 264—267). В западной не представлены элементы костюма, оружие, ритуальные пластины, в северной части восточной — парадная упряжь.

Таблица 1

**Изменение состава маркеров престижа в погребениях элиты
Волго-Донского региона. Предметы костюма**

Маркеры престижа	III—II вв. до н.э.	I в. до н.э.	I—1-я пол. II в. н.э.	2-я пол. II—1-я пол. III в. до н.э.
Золотые нити	1 (4%)	5 (14%)	10 (14%)	4 (14%)
Нашивные бляшки	4 (16%)	13 (37%)	37 (53%)	6 (21%)
Височные кольца	11 (44%)	7 (20%)	1 (1,5%)	2 (7%)
Серьги	3 (12%)	5 (14%)	7 (10%)	2 (7%)
Пронизи	2 (8%)	2 (6%)	18 (70%)	3 (10%)
Подвески	2 (8%)	4 (11%)	8 (11%)	6 (21%)
Браслеты	3 (12%)	6 (17%)	8 (11%)	
Перстни	5 (20%)	2 (6%)	5 (7%)	2 (7%)
Детали пояса	4 (16%)	9 (26%)	10 (14%)	8 (28%)
Венок	—	1 (3%)	—	—
Бляхи обуви	—	1 (3%)	—	—
Пектораль	—	1 (3%)	—	—
Детали головного убора	—	1 (3%)	2 (3%)	1 (3%)
Гривна	—	4 (11%)	2 (3%)	—
Сосудик-подвеска	—	1 (3%)	2 (3%)	2 (7%)
Диадема/корона	—	—	2 (3%)	—
Бусы	—	—	4 (6%)	3 (10%)
Ожерелье	—	—	3 (4,5%)	1 (3%)
Фибула-брошь	—	—	1 (1,5%)	—
Пуговицы	—	—	1 (1,5%)	—
Фибула	—	—	—	1 (3%)

Таблица 2

Изменение состава маркеров престижа в погребениях элиты Волго-Донского региона. Погребальные приношения

Маркеры престижа	III—II вв. до н.э.	I в. до н.э.	I—1-я пол. II в. н.э.	2-я пол. II—1-я пол. III в. до н.э.
Сосуды для питья	3 (12%)	14 (40%)	36 (51%)	8 (28%)
Бронзовые литые котлы	4 (16%)	9 (26%)	19 (27%)	6 (21%)
Унгентарий/ бальзамарий	1 (4%)	4 (11%)	2 (3%)	1 (3%)
Алебастровый сосуд	2 (8%)	2 (6%)	4 (6%)	1 (3%)
Парадный меч/кинжал	4 (16%)	8 (23%)	1 (1,5%)	13 (45%)
Парадный колчан	2 (8%)	4 (11%)	1 (1,5%)	—
Панцирь/кольчуга	1 (4%)	—	1 (1,5%)	1 (3%)
Украшения упряжи	4 (16%)	6 (17%)	13 (19%)	9 (31%)
Ритуальные пластины	2 (8%)	2 (6%)	2 (3%)	—
Бронзовый светильник	1 (4%)	—	—	—
Кованые котлы	—	1 (3%)	6 (9%)	5 (17%)
Кованые кувшины/ сосуды	—	2 (6%)	12 (17%)	1 (3%)
Патера	—	2 (6%)	2 (3%)	—
Ковш	—	4 (11%)	5 (7%)	4 (14%)
Таз	—	1 (3%)	12 (17%)	6 (21%)
Пиксида	—	1 (3%)	1 (1,5%)	—
Фиала	—	1 (3%)	1 (1,5%)	—
Шлем	—	2 (6%)	—	—
Канделябр	—	1 (3%)	1 (1,5%)	1 (3%)
Серебряные ложки	—	2 (6%)	1 (1,5%)	—
Зеркало с золотой рукоятью	—	1 (3%)	—	—
Китайское зеркало	—	1 (3%)	4 (6%)	1 (3%)
Монеты	—	2 (6%)	—	—
Оселок с золотым колпачком	—	1 (3%)	1 (1,5%)	—
Ситула	—	—	1 (1,5%)	—
Амфора металлическая	—	—	3 (4,5%)	—
Аск	—	—	1 (1,5%)	—
Черпак	—	—	3 (4,5%)	1 (3%)
Ситечко	—	—	3 (4,5%)	2 (7%)
Тарелка	—	—	1 (1,5%)	—
Сосуд в виде барана	—	—	1 (1,5%)	1 (3%)
Стеклянное блюдо	—	—	1 (1,5%)	—

Окончание табл. 2 на следующей странице

Окончание табл. 2

Маркеры престижа	III—II вв. до н.э.	I в. до н.э.	I—1-я пол. II в. н.э.	2-я пол. II—1-я пол. III в. до н.э.
Стекланный сосуд	—	—	1 (1,5%)	4 (14%)
Амфора для вина	—	—	5 (7%)	3 (10%)
Умбон от щита	—	—	2 (3%)	—
Металлические части вееров	—	—	1 (1,5%)	—
Терракота	—	—	1 (1,5%)	—
Ножки табурета	—	—	1 (1,5%)	—
Шкатулка	—	—	2 (3%)	1 (3%)
Китайский лак	—	—	2 (3%)	—
Стекланный рог	—	—	—	1 (3%)
Нагайка	—	—	—	4 (14%)

В III—II вв. до н.э. инокультурные и кросс-культурные предметы престижа редко встречаются в элитарных комплексах (табл. 1—4). В «западной» группе представлены единичные античные импорты (бронзовый светильник), изготовленные в северо-причерноморских мастерских украшения упряжи, некоторые из которых в той или иной степени имитировали скифо-фракийские и ионийские образцы.

В «восточной» группе среди элементов женского костюма присутствуют дериваты эллинистических серёг, изготовленные в Северном Причерноморье. В одном женском погребении элиты в устье Дона (№ 11) обнаружен унгвентарий — контейнер для ароматических масел, предмет, характерный для греческой культуры, в том числе погребальной, в чём можно видеть влияние расположенных поблизости античных центров. Специфический маркер социального статуса в мужских погребениях «восточной» группы — пояс, он демонстрирует другое направление связей с культурами Центральной Азии (Сибирь, Монголия, Забайкалье). Центральные пластины таких поясов являются как прямыми импортами, так и их дериватами, что указывает на значимость воспроизводства подобных предметов в местной культурной среде и вероятные интенсивные связи между элитами степей Евразии. Специфическими внутрикультурными инсигниями для северной части Волго-Донского междуречья являлись такие экстраутилитарные предметы, как ритуальные пластины («жезлы»). Они появились в мужских наборах предметов престижа этого ареала, видимо, не ранее II в. до н.э. Использование в их декоре зооморфных изображений может указывать на идеологическую связь элит Поволжья с культурами иранского круга. Причины появления данной инновации могут относиться как к социальной, так и к политико-идеологической сфере.

Период I в. до н.э. в Волго-Донском регионе (табл. 1—4) ознаменовался процессом централизации варварских элит (Мордвинцева 2020а: 267),

Таблица 3

Происхождение маркеров престижа в погребениях элиты
Волго-Донского региона. Предметы костюма

Регионы происхождения маркеров престижа или их прототипов	III—II вв. до н.э.	I в. до н.э.	I—1-я пол. II в. н.э.	2-я пол. II—1-я пол. III в. до н.э.
Внутрикультурные				
Нижний Дон и Нижнее Поволжье	«восточная» группа: простые золотые украшения	«восточная» группа: простые золотые украшения	простые золотые украшения, пояс	простые золотые украшения, серебряная фибула, пояс
Инокультурные				
Центральная Азия	пояс	серьги, пояс	браслет, пояс	—
Средиземноморье	—	венок	фибула-брошь	—
Малая Азия	—	бляшки	бляшки	—
Прикубанье	—	серьги, перстни, подвески, наручь	—	—
Боспор	—	лунница	подвески, лунницы, перстни, пуговицы,	ожерелья, перстни
Иран	—	браслеты, пояс	серьги, гривны, браслеты, ожерелья, сосудик-подвеска, пояс	—
Закавказье	—	пояс	—	—
Кросс-культурные				
Средиземноморье	серьги	серьги	серьги	—
Центральная Азия	пояс	пояс	пояс	—
Иран	—	сосудик-подвеска	диадема, сосудики-подвески, бляшки, пояс	серьги, сосудики-подвески

Таблица 4

Происхождение маркеров престижа в погребениях элиты Волго-Донского региона.
Погребальные приношения

Регионы происхождения маркеров престижа или их прототипов	III—II вв. до н.э.	I в. до н.э.	I—1-я пол. II в. н.э.	2-я пол. II — 1-я пол. III в. до н.э.
Внутрикультурные				
Нижний Дон и Нижнее Поволжье	«восточная» группа: деревянные сосуды, бронзовые литые котлы, ритуальные пластины, парадные мечи, колчаны, ворворки	«восточная» группа: деревянные сосуды, бронзовые литые котлы, ритуальные пластины, парадные мечи, колчаны, ворворки	деревянные сосуды, бронзовые литые котлы, ритуальные пластины, колчаны	деревянные сосуды, бронзовые литые котлы, нагайки
	«западная» группа: фалары, детали упряжи	«западная» группа: фалары, детали упряжи		
Инокультурные				
Боспор	фалары	монеты	фалары, терракота, шкатулки	фалары
Средиземноморье	светильник, унгентарий	венок, шлем, стеклянные чаши, бронзовая посуда, серебряный канфар, унгентарии	стеклянные сосуды, серебряные чаши/скифосы, бронзовая и серебряная посуда, бальзамарии	стеклянные сосуды, бронзовая посуда, бальзамарии
Причерноморье	—	—	тарные амфоры с вином	тарные амфоры с вином
Малая Азия	—	меч	краснолаковая посуда	краснолаковые сосуды
Средняя Азия	—	фалары	—	—

Иран	—	фалары, серебряная чаша, серебряная фиала, фаянсовая фляга, печать	пиксида, серебряные чаши, фиалы, меч, фалары, веера, табурет	парадные мечи
Прикубанье	—	фалары, канделябр	оселок, канделябр	канделябр
Закавказье	—	серебряные сосуды	—	—
Египет	алебастровые сосудики	алебастровые сосудики	алебастровые сосудики	алебастровые сосудики
Китай	—	зеркало	зеркала, лаковые изделия	зеркало
Германия	—	—	умбон щита	—
Кросс-культурные				
Бактрия	фалары	фалары	—	—
Средиземноморье	фалары	ложка	серебряные канфары, ложка	серебряные канфары,
Фракия	фалары	—	—	—
Иран	—	—	серебряные сосуды, фалары	парадные мечи, украшения упряжки
Китай	—	—	зеркало	—

оказавшихся на северо-восточной периферии мирового конфликта в борьбе за гегемонию между Римом и союзными парфянским Ираном и Понтом. Это отразилось на составе наборов предметов престижа в погребениях элиты. Предметы «восточного облика» имеются даже среди наборов «западной» культурной группы (фалары со свернувшимся бараном из Жутовского клада). В остальном «западная» группа (вотивные клады) по-прежнему демонстрирует связи преимущественно с элитами варваров Северного Причерноморья.

В «восточном» ареале в женских погребениях наряду с дериватами эллинистических встречаются украшения производства прикубанских и центрально-азиатских центров. В двух женских комплексах Нижнего Дона зафиксированы монеты — признак влияния греческого погребального обряда. В мужском костюме помимо центрально-азиатских оригинальных поясных наборов и их дериватов появляются экземпляры, связанные с Прикубаньем, Закавказьем, Малой Азией, парфянским Ираном. То же самое касается погребальных приношений, среди которых представлены как ценности (серебряные сосуды с изображениями), так и инсигнии (парадный меч в погребении Косики) того же происхождения. Находки китайских зеркал, являвшихся предметами престижа как в собственно китайской, так и в соседних варварских культурах (Miller 2015), отражают, видимо, интенсификацию торговых и политических связей с культурами евразийского степного пояса. Другие инновации в престижных наборах погребальных приношений — италийская бронзовая, серебряная, стеклянная посуда (ценности), характерный для греко-римской цивилизации золотой венок (инсигния). Появление всех этих инноваций указывает на контакты Волго-Донских варварских элит с обеими враждующими сторонами борьбы за мировое господство, что привело к усложнению социальной структуры и процессу централизации элит в регионе. Посредником контактов варваров с Римом выступало, видимо, Боспорское царство. Судя по тому, что единственное *Prunk*-погребение (Косика), маркирующее центр власти, расположено в низовьях Волги, не исключены и прямые связи элит Поволжья с Ираном через Прикаспий. В то же время предметы престижа кубанского и закавказского изготовления свидетельствуют о существовании таких контактов через Кавказ. Способы получения предметов престижа в данном контексте не имеют большого значения, важен сам факт их участия в погребальной церемонии, их дальнейшего отчуждения и размещения в погребальном комплексе. В этом отношении показательно присутствие в Косике инсигний двух конфликтующих цивилизаций (погребальный венок и парадный меч). При этом преимущественное украшение предметов престижа зооморфными изображениями отражает, видимо, культурную и идеологическую близость Волго-Донских элит с иранской цивилизацией.

Период I — сер. II в. н.э. (табл. 1—4) отмечен изменениями в локализации центров силы в регионе, которые смещаются из Нижнего Поволжья

на Нижний Дон и в Волго-Донское междуречье. В это время прекращает существовать обряд с использованием захоронения «вотивных кладов». Наличие двух центров силы, маркированное *Prunk*-погребениями, вероятно, свидетельствует о борьбе различных кочевых кланов за первенство в регионе (Мордвинцева 2020а: 269—270). В женских погребениях элиты появляются предметы престижа, характерные для мужских погребений (парадное оружие, конская упряжь), что может быть следствием как внутренних причин (усложнение социальной структуры), так и внешнеполитических изменений (появление новых групп кочевников, отличающихся самоидентификацией). Характерные для предшествующего периода направления внешнеполитических связей, проявившиеся как в женском и мужском костюме, так и в погребальных приношениях, в целом сохраняются. При этом распространение большого числа дериватов предметов престижа иранского круга, изготовленных в локальных мастерских (фалары конской упряжи, ювелирные украшения и проч.), указывает на политическую ориентацию варварских элит преимущественно в этом направлении. Находка кинжала — инсигнии «царского уровня» в кургане у п. Дачи, находка ножа с костяной рукояткой, изображающей парфянского царя (Трейстер 2001)¹⁶, также служат тому подтверждением. Представляется, что наблюдаемое развитие в составе и качестве предметов престижа нельзя объяснить только результатами нескольких походов волго-донских варваров в Закавказье (Трейстер 2018а: 141—145). Заимствование идей, воспроизводство художественной традиции говорят о тесных культурных и, вероятно, военно-политических связях с парфянским Ираном, о возможном вовлечении в сферу его политического контроля.

Ситуация поменялась с сер. II в. н.э. (табл. 1—4). Изменился состав мужских наборов предметов престижа. В частности, исчезают ритуальные пластины («жезлы») — внутрикультурные инсигнии, зафиксированные для трёх предшествующих периодов, что может быть связано с трансформацией социальных отношений в регионе, в том числе с упразднением социальной позиции, маркированной этими предметами. Кроме того, из мужского набора исключаются колчаны с золотыми деталями, среди парадного клинкового оружия значительно увеличивается процент длинных мечей, появляются нагайки с драгоценными деталями. Возможно, это отражает изменения в презентации воинского статуса погребённого мужчины (тяжёловооружённый всадник вместо лучника). В женском и мужском костюме представлены предметы преимущественно северочерноморских (боспорских?) типов. Украшения упряжи также отражают сетевые контакты варварских элит преимущественно с Боспорским царством. Количество «восточных» импортов сильно сократилось. Среди инокультурных артефактов преобладают

¹⁶ Комплекс не вошёл в анализируемую выборку.

предметы, указывающие на «западное» направление контактов. Практически прекращается изготовление предметов престижа в зверином стиле. В целом в это время погребальные комплексы Волго-Донской элиты сближаются по количеству и качеству предметов престижа с погребениями варварских элит других регионов — Нижнего Поднепровья, Крыма и Прикубанья. Их политические контакты в это время, видимо, переориентируются на Боспорское царство, при сохранении определённых контактов с Ираном, что, в частности, проявилось в импорте парадного клинкового оружия.

Приложение

**Список комплексов варварской элиты
Волго-Донского региона**

III—II вв. до н.э.

1. Альт-Веймар, курган D17, погребение 5 (рис. 1: 7). Rau 1927: 36—40.
2. Белокаменка, курган 1, погребение 3 (рис. 1: 6). Лукашов, Прямухин 2002: 201—202, 211.
3. Белокаменка-II, курган 7, погребение 3 (рис. 1: 6). Мордвинцева, Шинкарь 1999: 138.
4. Белокаменка-II, курган 6, погребение 5 (рис. 1: 6). Лукашов, Прямухин 2002: 208—209, 211.
5. Бердия, курган 1, погребение 7 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 65—66.
6. Быково, курган 11, погребение 3 (рис. 1: 16). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 43—44.
7. Венгеловка, курган 2, погребение 4 (рис. 1: 18). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 49.
8. Верхнепогромное, курган 6, погребение 5 (рис. 1: 34). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 60.
9. Верхнепогромное, курган 7, погребение 6 (рис. 1: 34). Мордвинцева, Шинкарь 1999: 138—139.
10. Верхнепогромное, курган 14, погребение 11 (рис. 1: 34). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 62.
11. Высочино-V, курган 27, погребение 2 (рис. 1: 82). Беспалый, Лукьяшко 2008: 97—101.
12. Желтухин, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 40). Сергацков 2000: 98—99.
13. Западные могилы, курган 18, погребение 2 (рис. 1: 8). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 116.
14. Западные могилы, курган 18, погребение 7 (рис. 1: 8). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 117.
15. Заплавное, курган 8, погребение 9 (рис. 1: 30). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 122—123.
16. Ильевка, курган 4, погребение 2 (рис. 1: 51). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 127.
17. Качалинский клад (рис. 1: 39). Сергацков 2009.
18. Клименковский клад (рис. 1: 48). Яценко 1962: 42—50.
19. Короли, курган 4, погребение 1 (рис. 1: 45). Мамонтов 2001: 111—112.
20. Кривая Лука-VIII, курган 5, погребение 12 (рис. 1: 24). Булатов и др. 1975: 139—140.

21. Питерка, курган 1, погребение 9 (рис. 1: 4). Ляхов, Мордвинцева 2000.
22. Приозёрное, курган 2, погребение 8 (рис. 1: 19). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 217.
23. Пятнадцатый посёлок, курган 5, погребение 3 (рис. 1: 31). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 218—226.
24. Федуловский клад (рис. 1: 69). Берхин 1962.
25. Химкомбинат-Б, курган 4, погребение 5 (рис. 1: 36). Мамонтов 2000: 255, рис. 2: 17.

І в. до н.э.

26. Алитуб, курган 3, погребение 20 (Крестовый) (рис. 1: 83). Захаров 2000.
27. Алитуб, курган 26 (рис. 1: 83). Засецкая и др. 1999.
28. Антиповский клад (рис. 1: 49). Гущина 1961: 241—246.
29. Арбузовский, курган 8, погребение 3 (рис. 1: 65). Ильюков, Власкин 1992: 145—148.
30. Барановка-1, курган 10, погребение 9 (рис. 1: 14). Сергацков 2000: 30—32.
31. Быково, курган 2, погребение 3 (рис. 1: 16). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 45.
32. Варламов, курган 2, погребение 7 (рис. 1: 38). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 48.
33. Верхнепогромное, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 34). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 58—59.
34. Верхнепогромное, курган 2, погребение 2 (рис. 1: 34). Шилов 1956: 41—44.
35. Верхний Балыклей, курган 7, погребение 2 (рис. 1: 17). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 63.
36. Виноградный, разрушенное погребение 1978 г. (рис. 1: 70). Косяненко, Максименко 1989.
37. Волжский, курган 8, погребение 6 (рис. 1: 33). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 66.
38. Журов, курган 2, погребение 5 (рис. 1: 27). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 68.
39. Жутово, курган 27, клад в насыпи (рис. 1: 57). Мордвинцева 1994.
40. Жутово, курган 27, погребение 4 (рис. 1: 57). Мордвинцева, Шинкарь 1999: 139—140.
41. Жутово, курган 27, погребение 5 (рис. 1: 57). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 78—79.
42. Жутово, курган 30, погребение 1 (рис. 1: 57). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 80—84.
43. Калиновский, курган 55, погребение 8 (рис. 1: 12). Шилов 1975: 142—145.
44. Косика, погребение 1 (рис. 1: 21). Дворниченко, Фёдоров-Давыдов 1993; Treister 2005.
45. Кривая Лука-IX, курган 1, погребение 17 (рис. 1: 24). Дворниченко, Фёдоров-Давыдов 1981.
46. Майеровский-III, курган 4, погребение 3 (рис. 1: 9). Скворцов, Скрипкин 2008.
47. Мариенталь, курган D22 (рис. 1: 2). Rau 1927: 53—55.
48. Новый, курган 20, погребение 2 (рис. 1: 64). Ильюков, Власкин 1992: 45, комплекс 22.
49. Новый, курган 46, погребение 4 (рис. 1: 64). Ильюков, Власкин 1992: 60, комплекс 48.
50. Новый, курган 70, погребение 5 (рис. 1: 64). Ильюков, Власкин 1992: 80—82, комплекс 79.
51. Первомайский-I, курган 13, погребение 3 (рис. 1: 54). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 202.
52. Первомайский-VII, курган 42, погребение 4 (рис. 1: 54). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 208.
53. Писаревка-II, курган 6, погребение 1 (рис. 1: 43). Мамонтов 2002: 251—256.
54. Политотдельское, курган 4, погребение 20 (рис. 1: 11). Смирнов 1959: 243—244.
55. Суловский курган 3 (рис. 1: 1). Rau 1927: 11.

56. Таганрогский клад (рис. 1: 79). Спицын 1909: 27.
57. Царёв, курган 23, погребение 4 (рис. 1: 29). Сергацков 1989: 236—240.
58. Шаумяна (Чалтырь), курган 4, погребение 2 (рис. 1: 76). Глебов 2002.
59. Шаумяна (Чалтырь), курган 13 (рис. 1: 76). Глебов 2002.
60. Яшкуль, погребение 1 (рис. 1: 22). Otchir-Goriaeva 2002.

I — 1-я пол. II в. н.э.

61. Авиловский, курган 11 (рис. 1: 41). Сергацков 2000: 84—87.
62. Антонов, курган 5, погребение 1 (рис. 1: 56). Мамонтов 1994: 36—39.
63. Багаевский, курган 13 (Верхнеянченков) (рис. 1: 73). Раев 1986.
64. Багаевский, курган 14 (Кудинов) (рис. 1: 72). Раев 1986: 52—53.
65. Барановка-I, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 14). Сергацков 2000: 20—22.
66. Барановка-I, курган 2, погребение 1 (рис. 1: 14). Сергацков 2000: 22—23.
67. Барановка-I, курган 3, погребение 1 (рис. 1: 14). Сергацков 2000: 23—24.
68. Барановка-I, курган 4, погребение 1 (рис. 1: 14). Сергацков 2000: 24—26.
69. Барановка-I, курган 14, погребение 1 (рис. 1: 14). Сергацков 2000: 32—33.
70. Белокаменка-I, курган 7, погребение 1 (рис. 1: 6). Лукашов, Прямухин 2002: 210, 212.
71. Бердия, курган 3, погребение 1 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 67—71.
72. Бердия, курган 5, погребение 1 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 71—72.
73. Бердия, курган 6, погребение 1 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 72—73.
74. Бердия, курган 8, погребение 1 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 74—75.
75. Бердия, курган 8, погребение 2 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 75—77.
76. Бердия, курган 8, погребение 4 (рис. 1: 42). Сергацков 2000: 77—80.
77. Большая Дмитриевка, курган 96 (рис. 1: 3). Шилов 1973.
78. Вербовский-I, курган 6, погребение 1 (рис. 1: 52). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 50—51.
79. Вербовский-II, курган 4, погребение 1 (рис. 1: 52). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 52—54.
80. Вербовский-III, курган 2, погребение 1 (рис. 1: 52). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 55—57.
81. Ветютнев, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 44). Мордвинцева, Клепиков 1998.
82. Высочино-II, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 82). Беспалый, Лукьяшко 2008: 26—28.
83. Высочино-V, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 82). Беспалый, Лукьяшко 2008: 61—63.
84. Высочино-V, курган 26, погребение 1 (рис. 1: 82). Беспалый, Лукьяшко 2008.
85. Высочино-VII, курган 28 (рис. 1: 82). Беспалый 1985.
86. Дачи, курган 1 (рис. 1: 80). Беспалый 1992.
87. Жутово, курган 28, погребение 1 (рис. 1: 57). Шилов 1975: 150—151.
88. Жутово, курган 71, погребение 1 (рис. 1: 57). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 87—93.
89. Жутово, курган 75, погребение 1 (рис. 1: 57). Сергацков 2004.
90. Заканальный, курган 2, погребение 1 (рис. 1: 35). Мамонтов 1991: 92—93.
91. Заканальный, курган 10, погребение 11 (рис. 1: 35). Мамонтов 1991: 87—98.
92. Заканальный, курган 11, погребение 1 (рис. 1: 35). Мамонтов 1991: 87—98.
93. Западные Могилы, курган 22, погребение 1 (рис. 1: 8). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 119—121.
94. Кияковка, курган 3, погребение 8 (рис. 1: 32). Мыськов 1992.
95. Кирсановский-III, курган 2 (рис. 1: 67). Раев 1979.
96. Кобяково, курган 1 (рис. 1: 75). Guguev 1986: 71—72.
97. Кобяково, курган 10 (рис. 1: 75). Гугуев 1992.
98. Колобовка-II, курган 5, погребение 7 (рис. 1: 28). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 131.
99. Комсомольский, погребение 2 (рис. 1: 20). Дворниченко и др. 2002.

100. Королёва Могила, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 46). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 132—133.
101. Крепинский, курган 11 (Арпачин) (рис. 1: 84). Raev 1986: 10.
102. Криволиманский-I, курган 16, погребение 9 (рис. 1: 63). Илюков, Власкин 1992: 151—152.
103. Лебяжье, курган 8 (рис. 1: 13). Сергацков 2000: 14—15.
104. Лебяжье, курган 12, погребение 1 (рис. 1: 13). Сергацков 2000: 16—17.
105. Мехзавод, курган 1 (рис. 1: 74). Прохорова 1994: 89—101.
106. Мигулинская, разрушенное погребение 1864 г. (рис. 1: 47). Mordvinceva, Treister 2007: Kat. B24.
107. Никольское, курган 12, погребение 1 (рис. 1: 23). Засецкая 1979.
108. Ново-Александровка-I, курган 11 (рис. 1: 81). Лукьяшко и др. 1978: 127.
109. Новый, курган 12, погребение 3/4 (рис. 1: 64). Илюков, Власкин 1992: 37—38, комплекс 10—11.
110. Новый, курган 71, погребение 1 (рис. 1: 64). Илюков, Власкин 1992: 83—85, комплекс 81.
111. Октябрьский-I, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 58). Мордвинцева, Мыськов 1999: 179—182, 187—188.
112. Октябрьский-II, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 58). Мордвинцева, Мыськов 1999: 182—191.
113. Октябрьский-II, курган 2, погребение 1 (рис. 1: 58). Мордвинцева, Мыськов 1999: 182—191.
114. Октябрьский-V, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 58). Мыськов и др. 1999.
115. Октябрьский-V, курган 3, погребение 1 (рис. 1: 58). Мордвинцева, Мыськов 2005.
116. Первомайский-I, курган 1, погребение 2 (рис. 1: 54). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 201.
117. Первомайский-VII, курган 14, погребение 3 (рис. 1: 54). Мамонтов 2000: 17—19.
118. Политотдельское, курган 2, погребение 7 (рис. 1: 11). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 215.
119. Садовый курган (рис. 1: 71). Клейн 2016: 100—115.
120. Сладковский, курган 14, погребение 1 (рис. 1: 61). Максименко, Косяненко 1979: 135—136.
121. Соколовский, курган 3, погребение 1 (рис. 1: 71). Raev 1986: 51—52.
122. Соломатино, случайная находка 1902 г. (рис. 1: 15). Берхин 1959: 37—41.
123. Старая Полтавка, курган E25 (рис. 1: 5). Сеницын 1946: 91—92.
124. Старица, курган 11, погребение 1 (рис. 1: 26). Шилов 1968: 310—311.
125. Титчиха, случайная находка (рис. 1: 50). Смирнов 1940: 363—366.
126. Тузлуки, курган 2, погребение 1 (рис. 1: 68). Bepaly 1986: 75.
127. Хапры, курган 3 (рис. 1: 76). Mordvinceva, Treister 2007: Kat. A322.
128. Хохлач, разрушенное погребение 1864 г. (рис. 1: 71). Засецкая 2011.
129. Царский, курган 38, погребение 1 (рис. 1: 78). Илюков 1994: 200—201.
130. Центральный, курган 20 (рис. 1: 62). Raev 1986: 11.

2-я пол. II — 1-я пол. III в. н.э.

131. Альт-Веймар, курган D16 (рис. 1: 7). Rau 1927: 36—40.
132. Барановка (Астраханская обл.), курган 17, погребение 1 (рис. 1: 25). Дворниченко, Фёдоров-Давыдов 1989: 18—19, 41—44.
133. Бережновка-II, курган 67 (рис. 1: 10). Сеницын 1960: 71, 73—74, рис. 27: 11, 12.
134. Быково, курган 3, погребение 1 (рис. 1: 16). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 46.
135. Валовый-I, курган 9, погребение 1 (рис. 1: 77). Безуглов и др. 2009: 24—45.

136. Валовый-I, курган 25, погребение 1 (рис. 1: 77). Безуглов и др. 2009: 48—63.
137. Валовый-I, курган 33, погребение 1 (рис. 1: 77). Mordvinceva, Treister 2007: Кат. А28.
138. Весёлый-VI, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 59). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 64.
139. Высочино-I, курган 10, погребение 1 (рис. 1: 82). Беспалый, Лукьяшко 2008: 20—23.
140. Высочино-V, курган 2, погребение 2 (рис. 1: 82). Беспалый 1990.
141. Высочино-V, курган 18, погребение 1 (рис. 1: 82). Беспалый 2000.
142. Высочино-VII, курган 17, погребение 1 (рис. 1: 82). Беспалый 2000.
143. Ивановка-I, курган 1, погребение 1 (рис. 1: 55). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 124—126.
144. Кировский-I, курган 1 (рис. 1: 66). Ильюков 2000: 100—103.
145. Кобяково, курган 2 (рис. 1: 75). Guguev 1986.
146. Кобяково, курган 5 (рис. 1: 75). Гугуев, Безуглов 1990.
147. Котлубань, курган 2, погребение 1 (рис. 1: 37). Скрипкин 1989.
148. Нагавский-II, курган 11, погребение 1 (рис. 1: 60). Мыськов, Сергацков 1994.
149. Ново-Александровка-I, курган 17, погребение 1 (рис. 1: 81). Беспалый 1990.
150. Ново-Александровка-I, курган 17, погребение 2 (рис. 1: 81). Беспалый 1990.
151. Ново-Александровка-I, курган 20, погребение 1 (рис. 1: 81). Беспалый 1990.
152. Ново-Александровка-I, курган 20, погребение 2 (рис. 1: 81). Беспалый 1990.
153. Ново-Александровка-I, курган 28, погребение 1 (рис. 1: 81). Беспалый 1990.
154. Ростов-на-Дону, курган 6 (рис. 1: 75). Volkov, Guguev 1986: 73—74.
155. Сладковский, курган 20, погребение 1 (рис. 1: 61). Максименко, Безуглов 1987.
156. Сладковский, курган 19, погребение 1 (рис. 1: 61). Максименко, Безуглов 1987.
157. Солянка-I, курган 3, погребение 2 (рис. 1: 77). Мордвинцева, Хабарова 2006: кат. 228.
158. Старица, курган 26 (рис. 1: 26). Шилов 1975: 161—162.
159. Центральный-VI, курган 16, погребение 8 (рис. 1: 62). Безуглов 1988.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдыкалыков А. 1968. *Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк)*. Фрунзе: Илим.
- Ахмедов Б.А. 1965. *Государство кочевых узбеков*. М.: Наука.
- Балабанова М.А., Клепиков В.М., Кривошеев М.В., Демкин В.А., Ельцов М.В., Перерва Е.В., Скрипкин А.С., Удальцов С.Н., Яворская Л.В., Дьяченко А.Н. 2014. *Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований*. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС.
- Безенваль Р. 1989. Кочевники и добыча полезных ископаемых в пустынях и полупустынях: данные этнологии и археологические проблемы. *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 103—108.
- Безуглов С.И. 1988. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье. *Советская археология*. № 4, 103—115.
- Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). *Сарматы и их соседи на Дону*. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 169—192.
- Безуглов С.И. 2001. Находки античных монет в погребениях кочевников на Нижнем Дону. *Донская археология*. № 1, 57—61.

- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис.
- Белоусов А.В., Трейстер М.Ю. 2018. Парадный кинжал с надписью из княжеского сарматского погребения у с. Косика в Нижнем Поволжье. *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории*. № 18, 92—128.
- Берхин И.П. 1959. Сарматское погребение у с. Саломатина. *Сборник Государственного Эрмитажа*. Вып. 15, 37—41.
- Берхин И.П. 1962. О месте производства фаларов «Федуловского клада». *Сборник Государственного Эрмитажа*. Вып. 22, 37—39.
- Беспалый Е.И. 1985. Курган II в. н.э. у г. Азова. *Советская археология*. № 4, 163—172.
- Беспалый Е.И. 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова. *Советская археология*. № 1, 213—223.
- Беспалый Е.И. 1992. Курган сарматского времени у г. Азова. *Советская археология*. № 1, 175—190.
- Беспалый Е.И. 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. *Сарматы и их соседи на Дону*. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 156—168.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Высочино* (Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. 1). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН.
- Булатов Н.М., Дворниченко В.В., Корневский С.Н., Малиновская Н.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. 1975. Раскопки курганов в Черноярском районе Астраханской области. *Археологические открытия в 1974 г.* М.: Наука, 139—140.
- Внуков С.Ю. 2003. *Причерноморские амфоры I в. до н.э. — II в. н.э. (морфология)*. М.: ИА РАН.
- Внуков С.Ю. 2016. Ещё раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *Российская археология*. № 2, 36—47.
- Глебов В.П. 2002. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры. *Донская археология*. № 1—2, 28—41.
- Гугуев В.К. 1992. Кобяковский курган (к вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. — начала II в. н.э.). *Вестник древней истории*. № 4, 116—129.
- Гугуев В.К., Безуглов С.И. 1990. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного могильника Кобякова городища на Дону. *Советская археология*. № 2, 164—175.
- Гугуев В.К., Трейстер М.Ю. 1995. Ханьские зеркала и подражания им на территории юга Восточной Европы. *Российская археология*. № 3, 143—156.
- Гущина И.И. 1961. Случайная находка в Воронежской области. *Советская археология*. № 2, 241—246.
- Дворниченко В.В., Плахов В.В., Сергацков И.В. 2002. Сарматские погребения у посёлка Комсомольский Астраханской области. *Нижневолжский археологический вестник*. № 5, 225—250.
- Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. 1981. Серебряные фалары из сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области. *Краткие сообщения Института археологии СССР*. Вып. 168, 100—112.
- Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. 1989. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье. *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. М.: Наука, 5—13.
- Дворниченко В.В., Фёдоров-Давыдов Г.А. 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области. *Вестник древней истории*. № 3, 141—179.

- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2002. Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя. *Античная цивилизация и варварский мир*. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 57—67.
- Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *Вестник древней истории*. № 3, 61—99.
- Засецкая И.П. 1979. Савроматские и сарматские погребения Никольского могильника в Нижнем Поволжье. *Труды Государственного Эрмитажа*. Вып. 20, 87—113.
- Засецкая И.П. 2003. Золотые браслеты из сарматского погребения Кобяковского могильника: происхождение сюжета и место изготовления. *Российская археология*. № 4, 46—52.
- Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа.
- Засецкая И.П., Ильюков Л.С., Косяненко В.М. 1999. Среднесарматский погребальный комплекс у хут. Алитуб. *Донская археология*. № 2, 51—60.
- Засецкая И.П., Марченко И.И. 1989. Литые стеклянные канфары из Прикубанья (Классификация и хронология). *Первая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: б.и., 72—73.
- Захаров А.В. 2000. Сарматское погребение в кургане «Крестовый». *Сарматы и их соседи на Дону*. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 27—45.
- Ильюков Л.С. 1994. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский»). *Вестник Танаиса*. Вып. 1, 198—215.
- Ильюков Л.С. 2000. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал. *Сарматы и их соседи на Дону*. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 100—140.
- Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992. *Сарматы междуречья Сала и Маныча*. Ростов-на-Дону: Ростовский университет.
- Клейн Л.С. 2016. *Первый век: сокровища сарматских курганов*. СПб.: Евразия.
- Королькова Е.Ф. 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников. *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. Вып. 36, 28—59.
- Косяненко В.М., Максименко В.Е. 1989. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный. *Советская археология*. № 1, 264—267.
- Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. 2006. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития. *Российская археология*. № 1, 124—136.
- Лукашов А.В., Прямухин А.Н. 2002. Савромато-сарматские погребения у с. Белокаменка. *Нижеволжский археологический вестник*. № 5, 201—224.
- Лукьяшко С.И., Головкова Н.Н., Обозный В.И., Гамаюнов А.К. 1978. Раскопки курганов в зоне строительства Приморской оросительной системы. *Археологические открытия за 1977 г.* М.: Наука, 127.
- Лысенко А.В., Мордвинцева В.И. 2019. Металлические украшения костюма — вотивы святилища римского времени Эклизи-Бурун (к культурной атрибуции памятника). *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 4 (66), 240—296.
- Ляхов С.В., Мордвинцева В.И. 2000. Раннесарматское погребение у посёлка Питерка Саратовской области. *Российская археология*. № 3, 102—110.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И. 1989. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой. *Советская археология*. № 1, 183—192.
- Максименко В.Е., Косяненко В.М. 1979. Исследование курганного могильника на р. Быстрой. *Археологические открытия за 1978 г.* М.: Наука, 135—136.

- Максимова М.И. 1957. Боспорская камнерезная мастерская. *Советская археология*. № 4, 75—82.
- Малашев В.Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. *Сарматы и их соседи на Дону*. Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. Ростов-на-Дону: Терра, 194—232.
- Мамонтов В.И. 1991. Этапы освоения Сарпинской низменности. *Материалы по археологии Калмыкии*. Элиста: Калм. кн. изд-во, 87—98.
- Мамонтов В.И. 1994. Курганный могильник Антонов-1. *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 4. Волгоград: Перемена, 15—46.
- Мамонтов В.И. 2000. Материалы курганного могильника Химкомбинат, группа «Б». *Нижневолжский археологический вестник*. № 3, 252—267.
- Мамонтов В.И. 2001. Курганный могильник «Короли». *Материалы по археологии Волго-Донских степей*. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 110—127.
- Мамонтов В.И. 2002. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II. *Нижневолжский археологический вестник*. № 5, 251—259.
- Мордвинцева В.И. 1994. Серебряные фалары из Жутовского курганного могильника. *Петербургский археологический вестник*. № 8, 96—100.
- Мордвинцева В.И. 2003. *Полихромный звериный стиль*. Симферополь: Универсум.
- Мордвинцева В.И. 2015. Социальная структура населения городища у с. Золотая Балка. *Stratum plus*. № 4, 115—142.
- Мордвинцева В.И. 2016. Погребальные комплексы элиты как источник по выявлению политических идентичностей на археологическом материале. *Боспорский Феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке*. СПб.: Нестор-История, 251—259.
- Мордвинцева В.И. 2020. Сарматская археологическая культура: от спекулятивной модели к сетевой. *Вестник древней истории*. № 4, 1058—1079.
- Мордвинцева В.И. 2020а. «Варварские» элиты Нижнего Поволжья и Подонья в III в. до н.э. — сер. III в. н.э.: опыт выявления уровней социальной иерархии. *Археологическое наследие*. № 1 (3), 259—285.
- Мордвинцева В.И., Клепиков В.М. 1998. Курганы I — начала II вв. н.э. у хутора Ветютнев. *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 6. Волгоград: Перемена, 83—93.
- Мордвинцева В.И., Мыськов Е.П. 1999. Курганы сарматской знати у посёлка Октябрьский. *Археологические вестн.* № 6, 179—191.
- Мордвинцева В.И., Мыськов Е.П. 2005. Погребение с остатками китайской лаковой шкатулки из могильника Октябрьский. *Нижневолжский археологический вестник*. № 8, 314—318.
- Мордвинцева В.И., Хабарова Н.В. 2006. *Древнее золото Поволжья*. Симферополь: Тарпан.
- Мордвинцева В.И., Хачатурова Е.А., Юрченко Т.В. 2010. *Сокровища древней Кубани*. Симферополь, Краснодар: Универсум.
- Мордвинцева В.И., Шинкарь О.В. 1999. Сарматские парадные мечи из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. *Нижневолжский археологический вестник*. № 2, 138—149.
- Мыськов Е.П. 1992. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Кияковки. *Древности Волго-Донских степей*. Вып. 1. Волгоград: Перемена, 118—138.
- Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Акся. *Нижневолжский археологический вестник*. № 2, 149—167.
- Мыськов Е.П., Сергацков И.В. 1994. Позднесарматские комплексы на Нижнем Дону. *Российская археология*. № 2, 179—190.

- Новиченкова М.В. 2011. Римская кольчуга *Lorică Hamata I* в. до н.э. — I в. н.э. из ритуального комплекса святилища у перевала Гурзуфское Седло. *Боспорские исследования*. Вып. XXV, 271—297.
- Прохорова Т.А. 1994. О семантике изображения на золотой пластине из кургана у Мехзавода. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1992 году*. Вып. 12. Азов: Азовский музей-заповедник, 90—99.
- Раев Б.А. 1979. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье. *Советская археология*. № 3, 201—211.
- Раев Б.А. 1993. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии. *Античный мир и археология*. № 9, 160—175.
- Свод этнографических понятий и терминов* 1986. Вып. 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука.
- Сергацков И.В. 1989. Погребение среднесарматского времени у села Царёв. *Советская археология*. № 3, 236—240.
- Сергацков И.В. 2000. *Сарматские курганы на Иловле*. Волгоград: Изд-во ВолГУ.
- Сергацков И.В. 2004. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья. *Сарматские культуры Евразии: Проблемы региональной хронологии*. Краснодар: б.и., 107—116.
- Сергацков И.В. 2009. Клад II в. до н.э. из окрестностей станицы Качалинской. *Российская археология*. № 4, 149—159.
- Симоненко А.В. 1982. О позднескифских налобниках. *Древности степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 237—245.
- Симоненко А.В. 1998. Фигурные сосуды в виде барана в сарматских погребениях. *Античная цивилизация и варварский мир*. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества, 68—78.
- Симоненко А.В. 2013. Ещё раз о налобниках с крючком. *Шестая международная кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Экоинвест, 376—380.
- Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.
- Синицын И.В. 1946. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. *Советская археология*. № 8, 73—95.
- Синицын И.В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). *Древности Нижнего Поволжья (Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции)*. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 78. М.: Изд-во АН СССР, 10—168.
- Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *Нижневожский археологический вестник*. № 9, 98—116.
- Скрипкин А.С. 1989. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов. *Советская археология*. № 4, 172—181.
- Смирнов А.П. 1940. Новый сарматский могильник в Воронежской области. *Вестник древней истории*. № 3/4, 363—366.
- Смирнов К.Ф. 1959. Курганы у сёл Иловатка и Политотдельское. *Древности Нижнего Поволжья*. Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 60. М.: Изд-во АН СССР, 206—322.
- Сорокина Н.П. 1997. *Религия и коропластика в античности (фигурные сосуды из собрания ГИМ)*. Труды ГИМ. Вып. 91. М.: Восточная литература.
- Спицын А.А. 1909. Фалары Южной России. *Известия Императорской археологической комиссии*. Вып. 29, 18—53.

- Трейстер М.Ю. 1982. Бронзовые перстни с изображениями на щитках. *Вестник древней истории*. № 3, 67—76.
- Трейстер М.Ю. 1994. Сарматская школа художественной торевтики. *Вестник древней истории*. № 1, 172—203.
- Трейстер М.Ю. 2001. Портрет парфянского царя из сарматского погребения в Приазовье. *Вестник древней истории*. № 1, 195—206.
- Трейстер М.Ю. 2006. Фалары из станицы Успенской (к вопросу о времени появления больших наплечных фаларов эллинистического времени). *Древности Боспора*. № 10, 429—462.
- Трейстер М.Ю. 2017. находка у хут. Клименкова (полвека спустя публикации И.В. Яценко). *Исторические исследования*. № 8, 201—220.
- Трейстер М.Ю. 2018. Драгоценный поясной набор погребения кочевника у с. Косика. *Нижневольтский археологический вестник*. № 17.1, 108—143.
- Трейстер М.Ю. 2018а. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. № 10, 109—210.
- Трейстер М.Ю. 2019. «Импорты» из Центральной Азии и Сибири в погребальных памятниках Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 4 (66), 180—239.
- Трейстер М.Ю. 2019а. Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *III Международная научная конференция «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока», 6—8 июня 2019 г., г. Севастополь*. Материалы конференции. Т. 1. М.: Пробел-2000, 260—264.
- Трейстер М.Ю. 2019б. Литые в формах стеклянные скифосы из погребений кочевников Волго-Донского междуречья и участие сарматов в иберо-парфянской войне 35 г. н.э. *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — V в. н.э.)*. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО Фирма «Салта» ЛТД, 272—281.
- Трейстер М.Ю. 2019в. Импортные бронзовые кованые котлы Азиатской Сарматии. *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 8. М.: Собрание, 147—210.
- Трейстер М.Ю. 2019 г. О двух бронзовых кувшинах из сарматских погребений Подонья. *Stratum plus*. № 4, 113—146.
- Трейстер М.Ю. 2019д. Римские стеклянные сосуды середины I — середины III вв. н.э. из сарматских погребений Волго-Донского междуречья, Нижнего Поволжья и Южного Урала. *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 1 (63), 25—68.
- Трейстер М.Ю. 2020. Пектораль из Косики. *Вестник древней истории*. № 2, 377—409.
- Трейстер М.Ю. 2020а. Бронзовые сосуды позднеереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 4, 41—109.
- Трейстер М.Ю. 2020б. Ахеменидская цилиндрическая печать из Косики. *Археологические вести*. № 29, 100—110.
- Шилов В.П. 1956. Погребение сарматской знати I в. до н.э. — I в. н.э. *Сборник Государственного Эрмитажа*. Вып. 9, 42—45.
- Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица. *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л.: Ленинградское отделение издательства Наука, 310—323.

- Шилов В.П. 1973. Южноиталийские сосуды Калиновского могильника. *Сборник Государственного Эрмитажа*. Вып. 36, 33—36.
- Шилов В.П. 1975. *Очерки по истории древних племён Нижнего Поволжья*. Л.: Наука.
- Щукин М.Б. 2004. Умбон из кургана «Садовый» под Новочеркасском. *Археолог: детектив и мыслитель*. СПб.: СПбГУ, 445—463.
- Щукин М.Б. 2006. Зубовско-Воздвиженская группа, царь Фарзой и Тур Хейердал. *Liber archaeologicae*. Краснодар: Изд-во ЮНЦ РАН; Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 173—181.
- Яценко И.В. 1962. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца. *Краткие сообщения Института археологии СССР*. Вып. 89, 42—50.
- Bespaly E.I. 1986. Barrows with Roman Imports Excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. В.А. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford: BAR, 75—78.
- Bishop M.C., Coulston J.C. 1989. *Roman Military Equipment*. Shire Archaeology 59. Aylesbury: Shire.
- Brughmans T. 2013. Thinking Through Networks: A Review of Formal Network Methods in Archaeology. *Journal of Archaeological Method and Theory*. № 20, 623—662.
- Guguev V.K. 1986. Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery. В.А. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford: BAR, 71—72.
- Kossack G. 1998. Ostentatious Graves. Remarks about Their Nature and Interpretative Value. G. Kossack. *Selected Studies in Archaeology*. Rahden/Westf.: Marie Leidorf GmbH, 13—38.
- Kucharczyk R. 2006. Early Roman Glass from Marina el-Alamein. *Polish Archaeology in the Mediterranean*. Vol. XVII (Reports 2005), 93—99.
- Kurz D.C., Boardman J. 1971. *Greek Burial Customs*. London: Thames and Hudson.
- Lightbody D.I. 2020. Egyptian Alabaster: New Light on the Alabaster Vessels of Ancient Egypt. *Nile Magazine*. № 25 (May—June), 33—40.
- Mazanek D. 2014. Preliminary Typology of Glass Vessels from the So-Called Hellenistic House, Explored by the Polish Archaeological Mission in Nea Paphos (Cyprus). *Études et Travaux*. Vol. XXVII, 279—321.
- Marčenko I., Limberis N. 2008. Römische Importe in Sarmatischen und Maiotischen Denkmälern des Kubangebiets. Simonenko A., Marčenko I., Limberis N. *Römische Importe in Sarmatischen und Maiotischen Gräbern Zwischen Unterer Donau und Kuban*. Archäologie in Eurasien. Bd. 25. Mainz: Philipp von Zabern, 265—583.
- Miller B. 2015. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground. *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7)*. Ed. by J. Bemmann and M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 127—198.
- Mordvinceva V.I. 2001. Sarmatische Phaleren. *Archäologie in Eurasien*. Bd. 11. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag.
- Mordvinceva V.I. 2007. Sarmatisches Tierstil. Mordvinceva V., Treister M. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr.* Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2. Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan, 198—251.
- Mordvintseva V.I. 2010. Tillya-tepe Gold Jewellery and its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis*. № 1, 175—207.
- Mordvinceva V.I. 2013. Barbarische Eliten des Nördlichen Schwarzmeergebiets und ihre Verhältnisse zu den Griechen und Römern (3. Jh. v. Chr. — Mitte des 3. Jhs. n. Chr.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 — 19. Januar 2014*. Frankfurt a.M.: Primus Verlag, 50—65.

- Mordvinceva V., Treister M.Yu. 2004. Zum Verhältnis “Griechischer” und “Barbarischer” Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. *Bilder und Objekte als Träger Kultureller Identität und Interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet*. Akten des Teilkolloquiums des SPP 1065 der DFG. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 67—82.
- Mordvinceva V., Treister M. 2007. *Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet*. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2. Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan.
- Mordvintseva V. 2015. Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd c. BC — mid — 3rd c. AD). *Anabasis*. № 6, 174—216.
- Otchir-Goriaeva M. 2002. Das Sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua*. Bd. 8, 353—388.
- Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East*. Malibu: J.-Paul Getty Museum.
- Popa A. 2007. Flabella im Barbaricum? Überlegungen zu Einer Fundgruppe Bronzener Gegenstände aus dem Gebiet Jenseits der Provinzen Dacia und Moesia Inferior. *Germania*. № 85, 329—347.
- Raev B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford: BAR.
- Rau P. 1927. *Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga*. Pokrowsk: Nemgosisdat.
- Renfrew C., Bahn P. 1991. *Archaeology. Theories, Methods and Practice*. London: Thames & Hudson.
- Treister M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the “Ampsalakos School”. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Vol. 11, 199—255.
- Treister M. 2007. Toreutik und Schmuck des Nördlichen Schwarzmeergebietes vom 2. Jh. v. Chr. bis zum 2. Jh. n. Chr. (Hellenistische Tradition). Mordvinceva V., Treister M. *Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet*. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2. Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan, 14—197.
- Treister M. 2007a. Herstellungstechnik und Dekorelementen der Toreutikarbeiten und Schmuckwaren aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Mordvinceva V., Treister M. *Toreutik und Schmuck im Nördlichen Schwarzmeergebiet*. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2. Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan, 252—309.
- Volkov I.V., Guguev Yu.K. 1986. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. B.A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin* (BAR Intern. ser. 278). Oxford: BAR, 73—74.
- von Saldern A. 1974. *Gläser der Antike: Sammlung Erwin Oppenländer*. Hamburg: Museum für Kunst und Gewerbe.
- Yablonsky L.T., Treister M.Yu. 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Ural. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. № 25, 79—161.
- Zajcev Ju. 2009. “Importe” und “Einheimische” Helme im Schwarzmeerraum vom 5. bis 1. Jahrhundert v. Chr. *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.)*. Kommunikationsebenen Zwischen Kaukasus und Karpaten. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Tiflis/Georgien (17—20 Mai 2007). Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 25. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 217—227.
- Zaytsev Ju. 2004. The Scythian Neapolis (2nd century BC to 3rd century AD). *Investigations into the Graeco-Barbarian City on the Northern Black Sea Coast*. BAR International Series 1219. Oxford: BAR.

NETWORKING OF THE BARBARIAN ELITES
OF THE VOLGA-DON REGION
(from the 3rd Century BC to the Mid-3rd Century AD)

V.I. Mordvintseva

In the article, there are burial complexes of the elite of the Volga-Don region analyzed. Changes in the composition and origin of male and female items of prestige have been traced over four chronological periods (3rd — 2nd centuries BC, late 2nd — 1st centuries BC, 1st — mid-2nd century AD, 2nd half of the 2nd — mid-3rd century AD). Based on the analysis of the intra-cultural, foreign-cultural and cross-cultural markers of prestige, assumptions are made about the nature of network contacts between the barbarian elites of the region and the main foreign policy actors.

Keywords: Volga-Don region, burials of elites, networking, prestige goods.

REFERENCES

- Abdykalykov A. 1968. *Eniseyskie kirgizy v XVII veke (istoricheskiy ocherk)* [Enisey Kyrgyz in 17th Century (Historical Overview)]. Frunze: Ilim.
- Akhmedov B.A. 1965. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State by Nomadic Uzbeks]. Moscow: Nauka.
- Balabanova M.A., Klepikov V.M., Krivosheev M.V., Dyomkin V.A., Eltsov M.V., Pererova E.V., Skripkin A.S., Udaltsov S.N., Yavorskaya L.V., Dyachenko A.N. 2014. *Kurgannyi mogil'nik Peregruznoe I: rezultaty mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Barrow Cemetery Peregruznoe I: Results of Intersidciplinary Studies]. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS.
- Bezenval R. 1989. Kochevniki i dobycha poleznykh iskopaemykh v pustynnyakh i polupustynnyakh: dannye etnologii i arkhologicheskie problemy [Nomads and Mining in Deserts and Semi-Deserts: Ethnological Data and Archaeological Problems]. *Vzaimodeystvie kochevykh kultur i drevnikh tsivilizatsiy* [Interaction of Nomadic Cultures and Ancient Civilizations]. Alma-Ata: "Nauka" Kazakhskoy SSR, 103—108.
- Bezuglov S.I. 1988. Pozdnesarmatskoe pogrebenie znatnogo voina v stepnom Podon'e [The Late Sarmatian Burial of a Noble Warrior in the Steppe Don Region]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 4, 103—115.
- Bezuglov S.I. 2000. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ya) [Late Sarmatian Swords (on the Materials of the Don Region)]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Studies on the Archaeology of the Don]. Iss. 1. Rostov-on-Don: Terra, 169—192.
- Bezuglov S.I. 2001. Nakhodki antichnykh monet v pogrebeniyakh kochevnikov na Nizhnem Donu [Finds of Antique Coins in the Graves of Nomads of the Lower Don Region]. *Donskaya arkheologiya*, № 1, 57—61.
- Bezuglov S.I., Glebov V.P., Parusimov I.N. 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniya v ust'e Dona (Kurgannyi mogil'nik Valovyi I)* [Late Sarmatian Graves in the Mouth of the Don (The Kurgan Necropolis Valovyi I)]. Rostov-on-Don: Media-Polis.

- Belousov A.V., Treister M.Yu. 2018. Paradnyi kinzhal s nadpis'yu iz knyazheskogo sarmatskogo pogrebeniya u s. Kosika v Nizhnem Povolzh'e [A Ceremonial Dagger with an Inscription from the Princely Grave near Kosika Village in the Lower Volga Region]. *Aristey. Vestnik klassicheskoy filologii i antichnoy istorii*, № 18, 92–128.
- Berkhin I.P. 1959. Sarmatskoe pogrebenie u s. Salomatina [A Sarmatian Burial near Salomatino Village]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, iss. 15, 37–41.
- Berkhin I.P. 1962. O meste proizvodstva falarov «Fedulovskogo klada» [About the Place of Production of Phalerae from the “Fedulov Treasure”]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, iss. 22, 37–39.
- Bespalyy E.I. 1985. Kurgan II v. n.e. u g. Azova [A Barrow of the 2nd Century AD near the City of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 4, 163–172.
- Bespalyy E.I. 1990. Pogrebeniya pozdnesarmatskogo vremeni u g. Azova [Burials of the Late Sarmatian Period near the City of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 1, 213–223.
- Bespalyy E.I. 1992. Kurgan sarmatskogo vremeni u g. Azova [A Barrow of the Sarmatian Period near the City of Azov]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 1, 175–190.
- Bespalyy E.I. 2000. Pozdnesarmatskoe pogrebenie iz mogil'nika Vysochino V na vodorazdele mezhdru Kagal'nikom i Donom [A Late Sarmatian Grave from the Cemetery of Vysochino 5 on the Watershed between the Kagalnik and Don]. *Sarmaty i ikh sosedni na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Studies on the Archaeology of the Don]. Iss. 1. Rostov-on-Don: Terra, 156–168.
- Bespalyy E.I., Luk'yashko S.I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyi mogil'nik u s. Vysochino* [Ancient Population of the Interfluvium of the Don and Kagalnik. Kurgan Burial Ground near the Village of Vysochino]. Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN.
- Bulatov N.M., Dvornichenko V.V., Korenevskiy S.N., Malinovskaya N.V., Fedorov-Davydov G.A. 1975. Raskopki kurganov v Chernoyarskom rayone Astrakhanskoj oblasti [Excavations of Barrows in Chyornyi Yar District of Astrakhan Region]. *Arkheologicheskije otkrytiya v 1974 g.* [Archaeological Discoveries of the Year 1974]. Moscow: Nauka, 139–140.
- Vnukov S.Yu. 2003. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. — II v. n.e. (morfologiya)* [The Pontic Amphorae from the 1st Century BC to the 2nd Century AD (Morphology)]. Moscow: IA RAN.
- Vnukov S.Yu. 2016. Eshche raz o tipologii, evolutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdnegeraklejskikh) uzkogorlykh amfor [Once More about the Typology, Evolution, and Chronology of the Light-Clay (Late Heracleian) Narrow-Neck Amphorae]. *Rossiyskaya arkheologiya*, № 2, 36–47.
- Glebov V.P. 2002. Pogrebenie s monetami iz mogil'nika Shaumyana i voprosy khronologii srednesarmatskoy kul'tury [A Grave with Coins from the Cemetery of Chaumyan and Issues of Chronology of the Middle Sarmatian Culture]. *Donskaya arkheologiya*, № 1–2, 28–41.
- Guguev V.K. 1992. Kobyakovskiy kurgan (k voprosu o vostochnykh vliyaniyakh na kul'turu sarmatov I v. n.e. — nachala II v. n.e.) [Kobyakovo Barrow (to the Question about Oriental Influences on the Culture of Sarmatians in the 1st — Beginning of the 2nd Century AD)]. *Vestnik drevney istorii*, № 4, 116–129.
- Guguev V.K., Bezuglov S.I. 1990. Vsadnicheskoe pogrebenie pervykh vekov nashey ery iz kurgannogo mogil'nika Kobyakova gorodishcha na Donu [A Horseman Burial of the Early Centuries AD from the Kurgan Necropolis of Kobyakovo Settlement on the Don]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 2, 164–175.

- Guguev V.K., Treister M.Yu. 1995. Khan'skie zerkala i podrazhaniya im na territorii yuga Vostochnoy Evropy [Han Mirrors and Their Imitations on the South of Eastern Europe]. *Rossiyskaya arkheologiya*, № 3, 143–156.
- Gushchina I.I. 1961. Sluchaynaya nakhodka v Voronezhskoy oblasti [A Chance Find in Voronezh Region]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 2, 241–246.
- Dvornichenko V.V., Plakhov V.V., Sergatskov I.V. 2002. Sarmatskie pogrebeniya u posyolka Komsomol'skiy Astrakhanskoj oblasti [Sarmatian Burials near the Village of Komsomol'skiy of the Region of Astrakhan]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*, № 5, 225–250.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A. 1981. Serebryanye falary iz sarmatskogo pogrebeniya mogil'nika Krivaya Luka IX v Astrakhanskoj oblasti [Silver Phalerae from a Sarmatian Burial of the Cemetery of Krivaya Luka 9 in the Region of Astrakhan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii SSSR*, iss. 168, 100–112.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A. 1989. Pamyatniki sarmatskoj aristokratii v Nizhnem Povolzh'e [Complexes of the Sarmatian Aristocracy in the Lower Volga Region]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhd'ev i drevnie goroda Povolzh'ya* [Treasures of Sarmatian Chiefs and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow: Nauka, 5–13.
- Dvornichenko V.V., Fedorov-Davydov G.A. 1993. Sarmatskoe pogrebenie skeptukha I v. n.e. u s. Kosika Astrakhanskoj oblasti [A Sarmatian Burial of the Scepter-Holder Dating to the 1st Century AD near Kosika Village in the Region of Astrakhan]. *Vestnik drevney istorii*, № 3, 141–179.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I. 2002. Derevyannye sosudy iz Ust'-Al'minskogo nekropolya [Wooden Vessels from the Necropolis of Ust'-Al'ma]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir* [Ancient Civilization and the Barbarian World]. Novochoerkassk: Novochoerkasskiy muzey istorii donsogo kazachestva, 57–67.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I. 2003. «Nogaychinskiy» kurgan v stepmom Krymu [“Nogaychik” Barrow in the Steppe Crimea]. *Vestnik drevney istorii*, № 3, 61–99.
- Zasetskaya I.P. 1979. Savromatskie i sarmatskie pogrebeniya Nikol'skogo mogil'nika v Nizhnem Povolzh'e [Sauromatian and Sarmatian Burials of the Nikol'skoe Necropolis in the Lower Volga Region]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, iss. 20, 87–113.
- Zasetskaya I.P. 2003. Zolotyie braslety iz sarmatskogo pogrebeniya Kob'yakovskogo mogil'nika: proiskhozhdenie syuzheta i mesto izgotovleniya [Gold Bracelets from the Sarmatian Burial of the Necropolis of Kob'yakovo: Genesis of a Subject and Place of Provenance]. *Rossiyskaya arkheologiya*, № 4, 46–52.
- Zasetskaya I.P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novochoerkasskiy klad* [Treasures of Khokhlach Barrow. Novochoerkassk Treasure]. Saint Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha.
- Zasetskaya I.P., Il'yukov L.S., Kosyanenko V.M. 1999. Srednesarmatskiy pogrebal'nyi kompleks u khut. Alitub [A Middle Sarmatian Necropolis near the Village of Alitub]. *Donskaya arkheologiya*, № 2, 51–60.
- Zasetskaya I.P., Marchenko I.I. 1989. Litye steklyannye kanfary iz Prikuban'ya (Klassifikatsiya i khronologiya) [Molded Glass Cantharoi of the Kuban (Classification and Chronology)]. *Pervaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya* [The First Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar: s.n., 72–73.
- Zakharov A.V. 2000. Sarmatskoe pogrebenie v kurgane «Krestovyi» [A Sarmatian Burial in the “Krestovyi” Barrow]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Studies on the Archaeology of the Don]. Iss. 1. Rostov-on-Don: Terra, 27–45.
- Il'yukov L.S. 1994. Sarmatskie kurgany okrestnostey Tanaisa (mogil'nik «Tsarskiy») [Sarmatian Barrows near Tanais (“Tsarskiy” Necropolis)]. *Vestnik Tanaisa*, iss. 1, 198–215.

- Il'yukov L.S. 2000. Pozdnesarmatskie kurgany levoberezh'ya reki Sal [Late Sarmatian Barrows on the Left Bank of the River Sal]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Studies on the Archaeology of the Don]. Iss. 1. Rostov-on-Don: Terra, 100—140.
- Il'yukov L.S., Vlaskin M.V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha* [Sarmatians in the Interfluvium of the Sal and Manych]. Rostov-on-Don: Rostovskiy universitet.
- Kleyan L.S. 2016. *Pervyi vek: Sokrovishcha sarmatskikh kurganov* [The First Century: Treasures of the Sarmatian Barrows]. Saint Petersburg: Evraziya.
- Korol'kova E.F. 2003. Ritual'nye chashi s zoomorfnyim dekorom v kul'ture rannikh kochevnikov [Ritual Cups with Zoomorphic Decoration in the Culture of Early Nomads]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, iss. 36, 28—59.
- Kosyanenko V.M., Maksimenko V.E. 1989. Kompleks veshchey iz sarmatskogo pogrebeniya u khutora Vinogradnyi [A Complex of Items from the Sarmatian Burial near the Village of Vinogradnyi]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 1, 264—267.
- Krivoshchev M.V., Skripkin A.S. 2006. Pozdnesarmatskaya kul'tura mezhdurech'ya Volgi i Dona. Problema stanovleniya i razvitiya [The Late Sarmatian Culture in the Interfluvium of the Volga and Don. The Problem of Genesis and Development]. *Rossiyskaya arkheologiya*, № 1, 124—136.
- Lukashov A.V., Pryamukhin A.N. 2002. Savromato-sarmatskie pogrebeniya u s. Belokamenka [Sauromatian and Sarmatian Burials near the Village of Belokamenka]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskii vestnik*, № 5, 201—224.
- Luk'yashko S.I., Golovkova N.N., Oboznyi V.I., Gamayunov A.K. 1978. Raskopki kurganov v zone stroitel'stva Primorskoy orositel'noy sistemy [Excavations of Barrows in the Building Area of Primorskaya Irrigation System]. *Arkheologicheskie otkrytiya za 1977 g.* [Archaeological Discoveries of the Year 1977]. Moscow: Nauka, 127.
- Lysenko A.V., Mordvintseva V.I. 2019. Metallicheskie ukrasheniya kostyuma — votivy svyatilishcha rimskogo vremeni Eklizi-Burun (k kul'turnoy atributsii pamyatnika) [Metal Ornaments of the Costume — Votives of the Sanctuary Eklizi-Burun of Roman Time (to the Cultural Attribution of the Site)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, № 4 (66), 240—296.
- Lyakhov S.V., Mordvintseva V.I. 2000. Rannesarmatskoe pogrebenie u posyolka Piterka Saratovskoy oblasti [An Early Sarmatian Burial near the Village of Piterka in the Region of Saratov]. *Rossiyskaya arkheologiya*, № 3, 102—110.
- Maksimenko V.E., Bezuglov S.I. 1989. Pozdnesarmatskie pogrebeniya v kurganakh na reke Bystroy [Late Sarmatian in the Barrows on the River Bystraya]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 1, 183—192.
- Maksimenko V.E., Kosyanenko V.M. 1979. Issledovanie kurgannogo mogil'nika na r. Bystroy [Study of the Barrow Necropolis on the River Bystraya]. *Arkheologicheskie otkrytiya za 1978 g.* [Archaeological Discoveries of the Year 1978]. Moscow: Nauka, 135—136.
- Maksimova M.I. 1957. Bosporskaya kamnereznaya masterskaya [The Bosporan Stone-Cutting Workshop]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 4, 75—82.
- Malashev V.Yu. 2000. Periodizatsiya remennykh garnitur pozdnesarmatskogo vremeni [Periodization of the Belt Equipment of the Late Sarmatian Period]. *Sarmaty i ikh sosedi na Donu. Materialy i issledovaniya po arkheologii Dona* [Sarmatians and Their Neighbors on the Don. Materials and Studies on the Archaeology of the Don]. Iss. 1. Rostov-on-Don: Terra, 194—232.
- Mamontov V.I. 1991. Etapy osvoeniya Sarpinskoy nizmennosti [Stages in Development of Sarpinskaya Lowland]. *Materialy po arkheologii Kalmykii* [Materials to the Archaeology of Kalmykia]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 87—98.

- Mamontov V.I. 1994. Kurgannyi mogil'nik Antonov-I [Barrow Necropolis Antonov-I]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of Volga-Don Steppes]. Iss. 4. Volgograd: Peremena, 15—46.
- Mamontov V.I. 2000. Materialy kurgannogo mogil'nika Khimkombinat, gruppa «B» [Materials of the Barrow Necropolis Khimkombinat, Group “B”]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, № 3, 252—267.
- Mamontov V.I. 2001. Kurgannyi mogil'nik «Koroli» [Barrow Necropolis of “Koroli”]. *Materialy po arckhaeologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials to the Archaeology of Volga-Don Steppes]. Iss. 1. Volgograd: Izd-vo VolGU, 110—127.
- Mamontov V.I. 2002. Sarmatskie pogrebeniya iz kurgannogo mogil'nika Pisarevka II [Sarmatian Burials from the Barrow Necropolis of Pisarevka 2]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, № 5, 251—259.
- Mordvintseva V.I. 1994. Serebryanye falary iz Zhutovskogo kurgannogo mogil'nika [Silver Phalerae from Zhutovo Barrow Cemetery]. *Peterburgskiy arkheologicheskiy vestnik*, № 8, 96—100.
- Mordvintseva V.I. 2003. *Polikhromnyi zverinyi stil'* [The Polychrome Animal Style]. Simferopol: Universum.
- Mordvintseva V.I. 2015. Sotsial'naya struktura naseleniya gorodishcha u s. Zolotaya Balka [The Social Structure of the Population of the Settlement of Zolotaya Balka]. *Stratum plus*, № 4, 115—142.
- Mordvintseva V.I. 2016. Pogrebal'nye komplekсы elity kak istochnik po vyyavleniyu politicheskikh identichnostey na arkheologicheskom materiale [Burial Complexes of Elites as a Source to Reveal the Political Identities Using Archaeological Material]. *Bosporskiy fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke* [Bosporan Phenomenon. Greeks and Barbarians on the Eurasian Crossroad]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 251—259.
- Mordvintseva V.I. 2020. Sarmatskaya arkheologicheskaya kultura: ot spekulativnoy modeli k setevoy [The Sarmatian Archaeological Culture: from a Speculative Model to the Networks]. *Vestnik drevney istorii*, № 4, 1058—1079.
- Mordvintseva V.I. 2020a. «Varvarskie» elity Nizhnego Povolzh'ya i Podon'ya v III v. do n.e. — ser. III v. n.e.: opyt vyyavleniya urovney sotsial'noy ierarkhii [“Barbarian” Elites of the Lower Volga and Don Regions from the 3rd Century BC to the Mid-3rd Century AD: An Experience in Identifying Levels of Social Hierarchy]. *Arkheologicheskoe nasledie*, № 1 (3), 259—285.
- Mordvintseva V.I., Klepikov V.M. 1998. Kurgany I — nachala II vv. n.e. u khutora Vetyutnev [Barrows of the 1st — Early 2nd Centuries AD near the Village of Vetyutnev]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of Volga-Don Steppes]. Iss. 6. Volgograd: Peremena, 83—93.
- Mordvintseva V.I., Mys'kov E.P. 1999. Kurgany sarmatskoy znati u poselka Oktyabr'skiy [Barrows near the Village of Oktyabr'skiy]. *Arkheologicheskie vesti*, № 6, 179—191.
- Mordvintseva V.I., Mys'kov E.P. 2005. Pogrebenie s ostatkami kitayskoy lakovoy shkatulki iz mogil'nika Oktyabr'skiy [A Burial with Remains of the Chinese Lacquer Box from the Necropolis of Oktyabr'skiy]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, № 8, 314—318.
- Mordvintseva V.I., Khabarova N.V. 2006. *Drevnee zoloto Povolzh'ya* [Ancient Gold of the Volga Region]. Simferopol: Tarpan.
- Mordvintseva V.I., Khachaturova E.A., Yurchenko T.V. 2010. *Sokrovishcha drevney Kubani* [Treasures of Ancient Kuban]. Simferopol, Krasnodar: Universum.
- Mordvintseva V.I., Shinkar' O.V. 1999. Sarmatskie paradnye mechi iz fondov Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Sarmatian Ceremonial Swords from the Collections of Volgograd Museum of Local Lore]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik*, № 2, 138—149.

- Mys'kov E.P. 1992. Sarmatskie pogrebeniya iz kurganov u Volzhskogo i Kilyakovki [Sarmatian Burials from Barrows Near Volzhskiy and Kilyakovka]. *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey* [Antiquities of Volga-Don Steppes]. Iss. 1. Volgograd: Peremena, 118–138.
- Mys'kov E.P., Kiyashko A.V., Skripkin A.S. 1999. Pogrebenie sarmatskoy znati s Esaulovskogo Aksaya [A Burial of the Sarmatian Noble from the Esaulovskiy Aksay]. *Nizhnevolzhskiy arkhеologicheskij vestnik*, № 2, 149–167.
- Mys'kov E.P., Sergatskov I.V. 1994. Pozdnesarmatskie komplekсы na Nizhnem Donu [Late Sarmatian Complexes on the Lower Don]. *Rossiyskaya arkhеologiya*, № 2, 179–190.
- Novichenkova M.V. 2011. Rimskaya kol'chuga Lorica Hamata I v. do n.e. — I v. n.e. iz ritual'nogo kompleksa svyatilishcha u perevala Gurzufskoye Sedlo [The Roman Chain-Mail Lorica Hamata of the 1st Century BC to the 1st Century AD from the Ritual Complex of the Sanctuary near the Pass of Gurzufskoye Sedlo]. *Bosporskie issledovaniya*, iss. XXV, 271–297.
- Prokhorova T.A. 1994. O semantike izobrazheniya na zolotoy plastine iz kurgana u Mekhzavoda [On the Semantics of the Images on the Gold Plate from the Barrow near Mekhzavod]. *Istoriko-arkhеologicheskie issledovaniya v Azove i na Nizhnem Donu v 1992 godu* [Historical and Archaeological Studies in Azov and on the Lower Don in 1992]. Iss. 12. Azov: Azovskiy muzey-zapovednik, 90–99.
- Raev B.A. 1979. Novoe pogrebenie s rimskim importom v Nizhnem Podon'e [A New Grave with the Roman Import in the Lower Don Region]. *Sovetskaya arkhеologiya*, № 3, 201–211.
- Raev B.A. 1993. Bronzovaya posuda epokhi pozdnego latena v Sarmatii [Bronze Vessels of the Time of Late LaTène in Sarmatia]. *Antichnyi mir i arkhеologiya*, № 9, 160–175.
- Svod 1986: *Svod etnograficheskikh ponyatij i terminov*. Vyp. 1. Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i sotsionormativnaya kul'tura [Corpus of Ethnographic Concepts and Terms. Vol. 1. Socio-Economic Relations and Socionormative Culture]. Moscow: Nauka.
- Sergatskov I.V. 1989. Pogrebenie srednesarmatskogo vremeni u sela Tsarev [A Burial of the Middle Sarmatian Period near the Village of Tsaryov]. *Sovetskaya arkhеologiya*, № 3, 236–240.
- Sergatskov I.V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle* [The Sarmatian Barrows on the Ilovlya]. Volgograd: Izd-vo VolGU.
- Sergatskov I.V. 2004. K khronologii srednesarmatskoy kul'tury Nizhnego Povolzh'ya [To the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatskie kul'tury Evrazii: Problemy regional'noy khronologii* [Sarmatian Cultures of Eurasia. Problems of the Regional Chronology]. Krasnodar: s.n., 107–116.
- Sergatskov I.V. 2009. Klad II v. do n.e. iz okrestnostey stanitsy Kachalinskoy [A Hoard of the 2nd Century BC near the Village of Kachalinskaya]. *Rossiyskaya arkhеologiya*, № 4, 149–159.
- Simonenko A.V. 1982. O pozdneskifskikh nalobnikakh [About the Late Scythian Head-Pieces]. *Drevnosti stepnoy Skifii* [Antiquities of the Steppe Scythia]. Kiev: Naukova dumka, 237–245.
- Simonenko A.V. 1998. Figurnye sosudy v vide barana v sarmatskikh pogrebeniyakh [Figured Vessel in the Shape of a Ram in the Sarmatian Burials]. *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir* [Ancient Civilization and the Barbarian World]. Novochoerkassk: Novochoerkasskiy muzey istorii donskogo kazachestva, 68–78.
- Simonenko A.V. 2013. Eshcho raz o nalobnikakh s kryuchkom [Once More about the Head-Pieces with a Hook]. *Shestaya mezhdunarodnaya kubanskaya arkhеologicheskaya konferentsiya* [The Sixth International Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar: Ekoinvest, 376–380.
- Simonenko A.V., Lobay B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomor'ya v I v. n.e. (pogrebeniya znati u s. Porogi)* [Sarmatians of the North-Western Pontic Region in the 1st Century AD (Burials near the Village of Porogi)]. Kiev: Naukova dumka.

- Sinitsyn I.V. 1946. K materialam po sarmatskoy kul'ture na territorii Nizhnego Povolzh'ya [To the Materials of the Sarmatian Culture on the Territory of the Lower Volga Region]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 8, 73—95.
- Sinitsyn I.V. 1960. Drevnie pamyatniki v nizov'yakh Eruslana (po raskopkam 1954—1955 gg.) [Ancient Sites in the Lower Riches of the Eruslan (after the Excavations in 1954—1955)]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Itogi rabot Stalingradskoy arkheologicheskoy ekspeditsii). Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Antiquities of the Lower Volga Region (Results of the Works of the Stalingrad Archaeological Expedition). Materials and Studies on the Archaeology of USSR]. Iss. 78. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 10—168.
- Skvortsov N.B., Skripkin A.S. 2008. Pogrebenie sarmatskoy znati iz Volgogradskogo Zavolzh'ya [A Burial of the Sarmatian Nobles from the Trans-Volga Region]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*, № 9, 98—116.
- Skripkin A.S. 1989. Pogrebal'nyi kompleks s uzdechnym naborom iz Kotlubani i nekotorye voprosy etnicheskoy istorii sarmatov [A Burial Complex with the Horse Harness from Kotluban' and Some Questions of Ethnic History of the Sarmatians]. *Sovetskaya arkheologiya*, № 4, 172—181.
- Smirnov A.P. 1940. Novyi sarmatskiy mogil'nik v Voronezhskoy oblasti [A New Sarmatian Cemetery in the Region of Voronezh]. *Vestnik drevney istorii*, № 3/4, 363—366.
- Smirnov K.F. 1959. Kurgany u sel Ilovatka i Politotdel'skoe [Barrows near Villages of Ilovatka and Politotdel'skoe]. *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Antiquities of the Lower Volga Region. Materials and Studies on the Archaeology of USSR]. Iss. 60. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 206—322.
- Sorokina N.P. 1997. *Religiya i koroplastika v antichnosti (figurnye sosudy iz sobraniya GIM)* [The Religion and Coroplastic in Antiquity (Figured Vessels from the Collections of GIM)]. Moscow: Vostochnaya literatura.
- Spitsyn A.A. 1909. Falary Yuzhnoy Rossii [Phalerae from South Russia]. *Izvestiya Imperatorskoy arkheologicheskoy komissii*, iss. 29, 18—53.
- Treister M.Yu. 1982. Bronzovye perstni s izobrazheniyami na shchitkakh [Bronze Finger-rings with Images on the Shields]. *Vestnik drevney istorii*, № 3, 67—76.
- Treister M.Yu. 1994. Sarmatskaya shkola khudozhestvennoy torevtiki [The Sarmatian School of the Artistic Toreutics]. *Vestnik drevney istorii*, № 1, 172—203.
- Treister M.Yu. 2001. Portret parfyanskogo tsarya iz sarmatskogo pogrebeniya v Priazov'e [A Portrait of a Parthian King from the Sarmatian Burial in Azov Region]. *Vestnik drevney istorii*, № 1, 195—206.
- Treister M.Yu. 2006. Falary iz stanitsy Uspenskoy (k voprosu o vremeni poyavleniya bol'shikh naplechnykh falarov ellinisticheskogo vremeni) [Phalerae from the Village of Uspenskaya (to the Question about Genesis of the Big Saddlery Phalerae of the Hellenistic Period)]. *Drevnosti Bospora*, № 10, 429—462.
- Treister M.Yu. 2017. Nakhodka u khut. Klimenkova (polveka spustya publikatsii I.V. Yatsenko) [The Finds near the Village of Klimenkov (A Half-Century after the Publication of I.V. Yatsenko)]. *Istoricheskie issledovaniya*, № 8, 201—220.
- Treister M.Yu. 2018. Dragotsennyi poyasnoy nabor pogrebeniya kochevnika u s. Kosika [A Precious Belt-Set from the Burial of a Nomad near the Village of Kosika]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskij vestnik*, № 17.1, 108—143.
- Treister M.Yu. 2018a. Parfyanskije i rannesasanidskie «importy» v pogrebeniyakh kochevnikov Vostochnoy Evropy (II v. do n.e. — III v. n.e.) [Parthian and Early Sasanian “Imports” in the Burials of Nomads of the Eastern Europe (2nd Century BC — 3rd Century AD)]. *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma*, № 10, 109—210.
- Treister M.Yu. 2019. «Importy» iz Tsentral'noy Azii i Sibiri v pogrebal'nykh pamyatnikakh Aziatskoy Sarmatii II—I vv. do n.e. [“Imports” from Central Asia and Siberia

- in the Burial Sites of Asian Sarmatia of the 2nd — 1st Centuries BC]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, № 4 (66), 180—239.
- Treister M.Yu. 2019a. Pozdneellinisticheskie litye v formakh steklyannye sosudy i ikh fragmenty iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Late Hellenistic Molded Glass Vessels and Their Fragments from the Burials of the Nomads of Asian Sarmatia]. *III Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i poticheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka»*, 6—8 iyunya 2019 g., g. Sevastopol. *Materialy konferentsii* [The Third International Scientific Conference “Historical, Cultural, Interethnic, Religious, and Political Ties of the Crimea with the Mediterranean Region and Countries of the East”, June 6—8, 2019, Sevastopol. Conference materials]. Vol. 1. Moscow: Probel-2000, 260—264.
- Treister M.Yu. 2019b. Litye v formakh steklyannye skifosy iz pogrebeniy kochevnikov Volgo--Donskogo mezhdurech'ya i uchastie sarmatov v iberoparfjanskoy voyne 35 g. n.e. [Glass Scythoi Cast in Molds from the Burials of Nomads of the Volga-Don Interfluvium and the Participation of the Sarmatians in the Ibero-Parthian War in 35 A.D.]. *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — V v. n.e.)*. *Materialy X Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy sarmatskoy arkheologii i istorii»* [The Crimea in Sarmatian era (2nd Century BC — 5th Century AD). Materials of the 10th International Scientific Conference “Problems of Sarmatian Archeology and History”]. Simferopol: OOO Firma “Salta” LTD, 272—281.
- Treister M.Yu. 2019v. Importnye bronzovye kovanye kotly Aziatskoy Sarmatii [Imported Bronze Cauldrons of Asiatic Sarmatia]. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material'noy kul'tury*, vol. 8. Moscow: Sobranie, 147—210.
- Treister M.Yu. 2019g. O dvukh bronzovykh kuvshinakh iz sarmatskikh pogrebeniy Podon'ya [About Two Bronze Jugs from the Sarmatian Graves of the Don Region]. *Stratum plus*, № 4, 113—146.
- Treister M.Yu. 2019d. Rimskie steklyannye sosudy serediny I — serediny III vv. n.e. iz sarmatskikh pogrebeniy Volgo-Donskogo mezhdurech'ya, Nizhnego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala [Roman Glass Vessels of the 1st — Mid-3rd Centuries AD from the Sarmatian Graves of the Volga-Don Interfluvium, Lower Volga and South Ural]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, № 1 (63), 25—68.
- Treister M.Yu. 2020. Pektoral iz Kosiki [A Pectoral from Kosika]. *Vestnik drevney istorii*, № 2, 377—409.
- Treister M.Yu. 2020a. Bronzovye sosudy pozdnerespublikanskogo vremeni iz pogrebeniy kochevnikov Aziatskoy Sarmatii [Bronze Vessels of the Late Republican Period from the Graves of Nomads of the Asian Sarmatia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, № 4, 41—109.
- Treister M.Yu. 2020b. Akhemenidskaya tsilindricheskaya pechat' iz Kosiki [The Achaemenid Cylindrical Seal from Kosika]. *Arkheologicheskie vesti*, № 29, 100—110.
- Shilov V.P. 1956. Pogrebenie sarmatskoy znati I v. do n.e. — I v. n.e. [A Burial of the Sarmatian Noble from the 1st Century BC — 1st Century AD]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, iss. 9, 42—45.
- Shilov V.P. 1968. Pozdnesarmatskoe pogrebenie u s. Staritsa [A Late Sarmatian Burial near the Village of Staritsa]. *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya* [Antique History and Culture of the Mediterranean and Pontic]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie izdatel'stva Nauka, 310—323.
- Shilov V.P. 1973. Uzhnoitaliyskie sosudy Kalinovskogo mogil'nika [South-Italian Vessels of Kalinovka Necropolis]. *Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, iss. 36, 33—36.
- Shilov V.P. 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ya* [Essays on the History of the Ancient Tribes of the Lower Volga Region]. Leningrad: Nauka.

- Shchukin M.B. 2004. Umbon iz kurgana «Sadovyi» pod Novocherkasskom [An Umbo from the “Sadovyi” Barrow near Novocherkassk]. *Arkheolog: detektiv i mysliel’* [An Archaeologist: a Detective and a Thinker]. Saint Petersburg: SPbGU, 445—463.
- Shchukin M.B. 2006. Zubovsko-Vozdvizhenskaya gruppa, tsar’ Farzoy i Tur Kheyerdal [The Zubov-Vozdvizhenskaya Group, the King Pharzoi, and Thor Heyerdahl]. *Liber archaeologicae*. Krasnodar: Izd-vo YuNTs RAN; Rostov-on-Don: Izd-vo YuNTs RAN, 173—181.
- Yatsenko I.V. 1962. Rannee sarmatskoe pogrebenie v bassejne Severskogo Dontsa [An Early Sarmatian Burial in the Severskiy Donets Basin]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii SSSR*, iss. 89, 42—50.
- Bespaly E.I. 1986. Barrows with Roman Imports Excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. B.A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford: BAR, 75—78.
- Bishop M.C., Coulston J.C. 1989. *Roman Military Equipment*. Shire archaeology 59. Aylesbury: Shire.
- Brughmans T. 2013. Thinking Through Networks: A Review of Formal Network Methods in Archaeology. *Journal of Archaeological Method and Theory*, no. 20, 623—662.
- Guguev V.K. 1986. Burials in the Kobyakovo Barrow-Cemetery. B.A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford: BAR, 71—72.
- Kossack G. 1998. Ostentatious Graves. Remarks about Their Nature and Interpretative Value. G. Kossack. *Selected Studies in Archaeology*. Rahden/Westf.: Marie Leidorf GmbH, 13—38.
- Kucharczyk R. 2006. Early Roman Glass from Marina el-Alamein. *Polish Archaeology in the Mediterranean*, vol. XVII (Reports 2005), 93—99.
- Kurz D.C., Boardman J. 1971. *Greek Burial Customs*. London: Thames and Hudson.
- Lightbody D.I. 2020. Egyptian Alabaster: New Light on the Alabaster Vessels of Ancient Egypt. *Nile Magazine*, no. 25 (May—June), 33—40.
- Mazanek D. 2014. Preliminary Typology of Glass Vessels from the So-Called Hellenistic House, Explored by the Polish Archaeological Mission in Nea Paphos (Cyprus). *Études et Travaux*, vol. XXVII, 279—321.
- Marčenko I., Limberis N. 2008. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebiets. Simonenko A., Marčenko I., Limberis N. *Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern zwischen Unterer Donau und Kuban. Archäologie in Eurasien*. Bd. 25. Mainz: Philipp von Zabern, 265—583.
- Miller B. 2015. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground. *Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE (Bonn Contributions to Asian Archaeology 7)*. Ed. by J. Bemmann and M. Schmauder. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 127—198.
- Mordvinceva V.I. 2001. *Sarmatische Phaleren*. Archäologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag.
- Mordvinceva V.I. 2007. Sarmatisches Tierstil. Mordvinceva V., Treister M. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2*. Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan, 198—251.
- Mordvinceva V.I. 2013. Barbarische Eliten des nördlichen Schwarzmeergebiets und ihre Verhältnisse zu den Griechen und Römern (3. Jh. v. Chr. — Mitte des 3. Jhs. n. Chr.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten*. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-Landes Museum Bonn: 4. Juli 2013 — 19. Januar 2014. Frankfurt a.M.: Primus Verlag, 50—65.
- Mordvinceva V., Treister M.Yu. 2004. Zum Verhältnis “Griechischer” und “Barbarischer” Elemente in den Bestattungen der Eliten im nördlichen Schwarzmeergebiet vom 1. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. *Bilder und Objekte als Träger kultureller Identität und*

- interkultureller Kommunikation im Schwarzmeergebiet. Akten des Teilkolloquiums des SPP 1065 der DFG.* Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 67—82.
- Mordvinceva V., Treister M. 2007. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2.* Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan.
- Mordvintseva V.I. 2010. Tillya-tepe Gold Jewellery and Its Relation to the Sarmatian Animal Style of the Northern Black Sea Area. *Anabasis*, no. 1, 175—207.
- Mordvintseva V. 2015. Decorated Swords as Emblems of Power on the Steppes of the Northern Black Sea Region (3rd Century BC — Mid-3rd Century AD). *Anabasis*, no. 6, 174—216.
- Otchir-Goriaeva M. 2002. Das sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua*, Bd. 8, 353—388.
- Pfrommer M. 1993. *Metalwork from the Hellenized East*. Malibu: J.-Paul Getty Museum.
- Popa A. 2007. Flabella im Barbaricum? Überlegungen zu einer Fundgruppe bronzener Gegenstände aus dem Gebiet jenseits der Provinzen Dacia und Moesia inferior. *Germania*, no. 85, 329—347.
- Raev B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford: BAR.
- Rau P. 1927. *Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga*. Pokrowsk: Nemgo-sisdat.
- Renfrew C., Bahn P. 1991. *Archaeology. Theories, Methods and Practice*. London: Thames & Hudson.
- Treister M. 2005. On a Vessel with Figured Friezes from a Private Collection, on Burials in Kosika and Once More on the “Ampsalakos School”. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, vol. 11, 199—255.
- Treister M. 2007. Toreutik und Schmuck des nördlichen Schwarzmeergebietes vom 2. Jh. v. Chr. bis zum 2. Jh. n. Chr. (Hellenistische Tradition). Mordvinceva V., Treister M. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2.* Bd. 1. Simferopol, Bonn: Tarpan, 14—197.
- Treister M. 2007a. Herstellungstechnik und Dekorelementen der Toreutikarbeiten und Schmuckwaren aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Mordvinceva V., Treister M. *Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. — 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2.* Bd. 1. Simferopol, Bonn : Tarpan. 252—309.
- Volkov I.V., Guguev Yu.K. 1986. A Late Sarmatian Burial in Rostov-on-Don. B.A. Raev. *Roman Imports in the Lower Don Basin (BAR Intern. ser. 278)*. Oxford: BAR, 73—74.
- von Saldern A. 1974. *Gläser der Antike: Sammlung Erwin Oppenländer*. Hamburg: Museum für Kunst und Gewerbe.
- Yablonsky L.T., Treister M.Yu. 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Ural. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*, no. 25, 79—161.
- Zajcev Ju. 2009. “Importe” und “einheimische” Helme im Schwarzmeerraum vom 5. bis 1 Jahrhundert v. Chr. *Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000—500 v. Chr.). Kommunikationseben zwischen Kaukasus und Karpaten. Internationale Fachtagung von Humboldtianern für Humboldtianer im Humboldt-Kolleg in Tiflis/Georgien (17—20 Mai 2007). Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 25.* Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 217—227.
- Zaytsev Ju. 2004. *The Scythian Neapolis (2nd Century BC to 3rd Century AD). Investigations into the Graeco-Barbarian City on the Northern Black Sea Coast.* BAR International Series 1219. Oxford: BAR.

Дата поступления в редакцию 01.09.2021